

НАНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ

Уважаемые читатели!
В номере приводятся аяты из Священного Корана.
Просьба обращаться с журналом бережно.
ГАУ "Издательский дом"

1.2020

СОДЕРЖАНИЕ

Память

Слово о Луле /2/
Сацита ИСРАИЛОВА
«Стихи перегорели словно свечи...»/3/
ГАЗИЕВА Аза
И бӕсте, дог шелдеш, еара... /5/
БОРХАДЖИЕВ Хожбауди
Слово о мастере слова /14/
Роза ДАХАЕВА
Воспоминания о Луле /16/
Асламбек ТҮГҮЗОВ
Луле Жумалаевой /17/
Роза ТАЛХИГОВА
Сестре по перу /17/
Ражап МУСАЕВ
«Забудь о нелепых
условностях"... /18/
ЮСУПОВ Іусман
«Лулин сирла са...» /21/
Роза ЦАКАЕВА
«Поэты ходят пятками
по лезвию ножа»... /25/
Зарета МУРТАЗАЛИЕВА
Лула /25/

Лула ЖУМАЛЕВА
«Я вхожу в синеву»...
/Стихи/ /26/

Проза

Саламбек АЛИЕВ
Микромиры Исы Закриева /30/
Иса ЗАКРИЕВ
Могу сказать
/Рассказы/ /32/
Лариса БАДАЕВА
Родная кровь /Роман/ /41/

Наше интервью

«Я плыву по течению,
с судьбою своею не споря»...
Беседу с поэтессой Р. Талхиговой
провела Р. Межиева /60/

Критика и литературоведение

Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА
Концепт «конь» в чеченской
литературе и фольклоре /64/

Слово о Луле...

Год, как с нами нет Лулы Жумалаевой...

Известная чеченская журналистка, поэтесса, прозаик, основатель и, на протяжении долгих лет, главный редактор литературно-художественного и социально-культурологического женского журнала «Нана», ушла из жизни 28 апреля 2019 года.

А 18 февраля 2020 года Луле исполнить бы 60 лет.

В этот день в Национальной библиотеке им. Абузара Айдамирова друзья, коллеги и почитатели ее таланта провели вечер, посвященный памяти Лулы.

Было много слов. Было много пауз – добрых, искренних, скорбных...

Память о Луле жива, как и ее поэзия, проза, публицистика... Ведь квинтэссенцией всего творчества Лулы, лейтмотивом и пафосом всего ее литературного и журналистского наследия являются Память и Боль.

Этот номер журнала «Нана» мы посвящаем ей – достойной дочери чеченского народа – Луле Изнауровне Жумалаевой.

Сацита ИСРАИЛОВА

«Стихи перегорели словно свечи...»

*Стихи перегорели словно свечи.
А мир всё так же тих, всё тот же – вечер.
Всё так же фонари летят по небу.
Всё так же лист скоблит асфальт – по ветру...*

Эти строки принадлежат прекрасной поэтессе Луле Жумалаевой.

18 февраля – в день 60-летия поэтессы, в Зимнем саду Национальной библиотеки Чеченской Республики им. А.А. Айдамирова собрались представители творческой и научной интеллигенции: поэты, писатели, студенты, журналисты, общественные деятели, родственники и многие другие, – чтобы отдать дань памяти этой прекрасной поэтессе, публи-

цисту, прозаика, журналисту и переводчику.

Мероприятие началось с поэтической композиции, составленной из лирических произведений Лулы и рассказа о ее жизни, которые представили не только разные грани ее творчества, но и ее богатую, одухотворенную личность.

Ведущая – журналистка Аза Газиева говорила о таланте Лулы, который проявлялся и в литературе, и в журналистике.

Поэт, прозаик, публицист, журналист... Грани ее мастерства трудно сосчитать. Она руководила одним из самых серьезных популярных журналов в Чечне и на Кавказе – «Нана», который создала в 2003 году и возглавляла его многие годы (неоднократно журнал «Нана» входил в «Золотой фонд

прессе» России). Кажется, она сама несла эту великую материнскую функцию: безусловную любовь к ближнему. Она умела объединять. В ее журнале печатались авторы из многих регионов страны, она открывала новые имена, расширяла границы духовного мира, который для всех един.

Среди приглашенных гостей и зрителей оказалось немало желающих поделиться воспоминаниями о достойной дочери чеченского народа. Коллеги по литературе и журналистике, друзья, почитатели творчества Л. Куна (псевдоним по имени деда, известного богослова) с восхищением говорили о ее незаурядном поэтическом таланте, признанном не только в республике; о том, что она отличалась удиви-

тельной скромностью и душевной щедростью.

В ее журналистских и редакционных материалах, художественных сочинениях проявлялись одаренность и стремление высказаться: человеку, болеющему сердцем за свой народ, содействующему сохранению национальной культуры, исторической памяти, выстраиванию межнационального диалога.

В 2012 году Лула наряду с Раисой Ахматовой была включена в Антологию Всемирной женской поэзии как представительница чеченской поэзии. Кроме того, благодаря ее переводам русскоязычные читатели смогли знакомиться с лучшими образцами чеченской поэзии и прозы: Саида Бадиева, Лечи Абдулаева, Шарипа Цуруева, Мусы Бексултанова, Сайд-Хасана Кацаева и др.

Главный редактор Союза писателей ЧР Имран Ирисханов в своем выступлении отметил, что готовится к выпуску собрание поэтических, прозаических и публицистиче-

ских произведений Л. Жумалаевой.

ГАЗИЕВА Аза

И бѡаьсте, дог шелдеш, еара...

ДЕШХЪАЛХЕ

Масийтта шо хьалха, 2003-чу шарахь дара иза. Имам Шемалан тѡаьхьенех йолчу цхьана зудчо цхьацца йозанаш кегийнера Москвахь зорбане дуйлучу «Аргументы и факты» цѡе йолчу газетан агѡонаш тѡехь. Назифас дийцарехь, (иштта цѡе яра нохчашна тѡехь доцург кхуллуш, и моѡанаш яздиначу зудчун) имам Шемалан божалара говраш юьгуш хиллера вайнаха. Махкахь боьдуш боьрса тѡом болуш, бѡобаьччанан божалара говр йига-м мелла а доьналла оьшу, делахь а Назифас Юрабаьккхинарг шайн цѡийца кхехка нохчашка болу цабезам бара. Ша дин хийцар а, керстан стаге маре яхана, дай баьхна латта дѡатесна, ѡаьржачу ѡарбийн махкахь ѡаш хилар а гома ца хетара имам Шемалан кѡентан кѡентан йоѡана. Цунна коьртаниг: тѡеман цѡергахь ѡазап токхуш доллучу нохчийн халкъана тѡе нехаш хьакхар дара. Цабезаман цѡе марсайоккхуш тѡекхийссина чѡеш дара уьш, нохчийн къомах ца ѡебаш. Иза дуйххьара деш дацара вайн лулахоша. 1944-чу шеран чиллин (февраль) беттан 23-чу дийнахь Сталинан хьадалчаша вайнах къинхетамза махках баьхча, вешан лулахоша дийцинарш ца хууш, я дицделла дацара вай, Назифас и кѡамдарш ца дича а. Амма, бакь делахь а, дацахь а, дош аьлла даьллера. Ислам динна ша бѡостанехьа ерзарал деза а, доккха а хеттера Назифана зуламхоша имам Шемална дина къола, нагахь

санна и динехь а. Дуккха а нахана ца тайнера 2003-чу шарахь «Аргументы и факты» газетан агѡонаш тѡехь имам Шемалан тѡаьхьенех йолчу Назифас зорбане яккхийтина интервью. Цундела Нохчийн Республикин къоман политикин, информацин, зорбанан а министерствоу конкурс кхайкхийра вайн махкарчу журналисташлахь: Назифана дуйхьала жоп луш статья язъяйта. Дуккха а журналисташа дакъалецира оцу конкурсахь. Лаккхарчу говзаллин тѡегѡанехь язйина статьяш яра церан. Царах дукхахьерш зорбане евлира. Дукха нахана тайна хиллера и статьяш. Министерствоу кхайкхинчу конкурсахь хьалхара меттиг «Столица – +» газетан корреспондент йолчу Жумалаева Лулас якккхира. Иза ларамза дацара. Хѡор а дош шен экамчу сица литтина, цѡийца лезна, тѡамо Ювжийначу дагца дуйстина, доьналлица варкъ а даьккхина, бакьйолчу журналистан шовкъ ца кхоош, язйина яра Жумалаева Лулин статья. Статьян хѡор моѡа теш хѡуьттура автор нохчийн къоман тешаме йоѡ хиларна, шен къомана кхоьллина харц цѡе цуьнга лалург цахиларна. Ира хьекьал, кѡорггера хаарш долу бакьйолу журналист Лула хилар а чѡагѡдора цуьнан статьяно. Статья оьрсийн маттахь язйина яра. Амма цуьнан массо хьаьрк а нохчийн хѡо детталуш яра, авторан нуьцкъала амал, цуьнан синьондалла гойтуш яра. Иштта евзира суна Жумалаева Лула. Сайн дахарехь и тайпа адам хилла, цуьнца уллера гергарло айса лелийна хиларх

йоккхае со. Деган комаършалла, дерриге дуьне маракъовллал адамаш дукхадезаш а яра иза. Цундела Iаламат хала ду тахана иза вайца яц ала а, Жумалаева Лулех къамел дан а.

БЕРАЛЛА

Жумалаева Лула йина Соьлжа-ГIалин Йоккхачу мехкадаьттанин кIоштахь 1960-чу шеран чиллин (февраль) 18-чу дийнахь, схъаваларан орамаш Хьалха-МартантIера долчу Изноврин доьзалехь. Цигахь дIаихна цуьнан бераллин шераш. Шен дукхахболу нийсархой санна, берийн бешахь хилла. 1967-чу шарахь Соьлжа-ГIаларчу №33 йолчу школе деша яхна. Бакъду, аганара

йобьссичхьана массо хIуманца бала болуш, дуьхе кхиа лууш хилла. Жимчохь дуьйна Лулас тергалдеш хилла стиглара седарчий, маьлхан дIабузар, дуккха а хаттарш кхоллалуш. ХIуманна тIаьхьакхиа лаар хилла цуьнан амалехь коьртаниг. Шийлачу Iай ло деача, самукъадолуш хилла цуьнан, аьхка догIучу маьлхан догIанах Iехалуш хилла иза. Некъаш мичхьа кхачало, генарчу анайистал дехьа хIун ду хаа лууш хилла йоI. Цундела, хаддаза хаарийн кIоргене кхийдаш, сутара дешна цо школахь. Дешарехь Iаламат дика ларошшехь, ша баьхначу кхиамех тоам беш ца хилла цо. Жумалаева Лулас жигара дакъалаьцна школан юкъяраллин дахарехь. Муьлхха олимпиада, конкурс, фестиваль шен семачу тидамехь латтош а, царна юкъяхь жигара дакъалоцуш хилла йоI. Дешархо йолуш дуьйна Лулина къаьбстана дукхаезаш хилла исбаьхьаллин литература. А.С. Пушкинан, М.Ю. Лермонтовн, С.Есенинан дукхахйолу байташ дагахь хаьара цунна. КIорггера евзара оьрсийн яздархойн Л.Толстойн, И.Тургеневн, М. Достоевскийн, А.Чеховн, М.Горькийн кхолларалла. Цундела тамашийна ца хета, 1977-чу шарахь кхиамца юккъера школа чекхъяьккхина а яьлла, Жумалаева Лула Нохч-ГIалгIайн пачхьалкхан университетете деша яхар. Оьрсийн меттан а, литературин а факультет яра, цо дагца къобалйна, хьехархочун корматалла караерзо йолчу Iалашонца шена билгалъяьккхинарг. Лула тIехдика дешна яьлча, университетан хьехархо балха схъаййцира. Языкознани кафедрехь хьехархо яра къона говзанча. Школахь доьшуш йолуш дуьйна исбаьхьаллин дашца уьйр-марзо йолу Лула стихаш, кегий дийцарш а яз деш яра. Цундела шен говзарш студентка йолуш зор-

бане ехира цо. «За педагогические кадры» цѣ йолчу университетан газетан агІонаш тѣхъ дубхъара зорбане евлла Лулин байташ. 1981-чу шарахъ дубйна-м уыш «Грозненский рабочий», «Комсомольское племя», «Заветы Ильича» цѣ йолчу газетийн агІонаш тѣхъ кест-кеста зорбане йийлина. Газетдешархоша езаш тѣлабцна цуьнан маъІне говзарш, лаккхара мах хадош, йийцаре а йина. Амма шена авторна цунах тоам хилла цахилар гойту, Жумалаева Лула хаддаза кхоллараллин лехамашкахъ хилла хиларо. Цкъачунна цунна синтем луш яц къоначу поэтан говзарш. Цундела хуьйцу Жумалаева Лулас кест-кеста белхан меттигаш. Университетан хъехархо йолчуьра дІайолий, А.Чеховн цѣрах хиллачу Нохч-ГІалгІайн Республикин библиотекин Гилманца-мохкталларан (краеведческий) декъе балха йобду Лула. Тѣахъо Соьлжа-

Галарчу №7-йолчу школахъ а, цул тѣахъа Соьлжа-Галарчу №1-йолчу лицейхъ а белхаш бо цо завуч-вовшахтохархочун даржехъ. Лула белхан накъосташца тарлуш, мегаш, массаьрца цхъабосса ийна, кѣда-мерза чекхъяьлла, гІо-накъосталла оьшучунна орцанца гІатта кийча а йолуш. Цундела массарна дукхаезара Лула, тешаме накъост хетара, йовза ирс хиллачо шен дика доттагІ лорура иза.

КЕРЛАЧУ ДОЪЗАЛАН КХЕРЧ

Кхиьна йогІуш дубйна, шен нийсархойн бѣаьрг тѣхІуттуш, хаза йоІ яра Жумалаева Лула. Къайлах-къулах цуьнга бѣаьрг беттарш а бацара кѣзиг. Коча сеттарш, я совнаха елакъежарш а доцу Лула чу са а диллина доьшуш яра, школан юкъараллин дахарехъ жигара дакъалоцуш. Университет

чекхъяьккхина а яьлла, балха араяьлча а, масех шо даьккхира вайн турпалхочо нехан цѐнтѐе ца йоьдуш, ойла тѐмайоккхуш, дог делош, мерза са йийсаре лаца хъуьнар дерг шена дуюьхьалцакхетарна. Амма иза данне дац Жумалаева Лулин дог безаман зазано ца хьистина бохург. Школехь доьшуш йолуш дуюьйна байташ язъеш, хаддаза романах йоьшу йоI ховха синхаамаш боцуш хуьлийла дацара. Делахь а даго къастийна цъба а цахиллачух тера ду-кх цуьнан, Гѐйтѐара къона поэт Ясаев Леча вовзалц. 1981-чу шарахь дара ирсечу безаман бух тѐехь цара керлачу доьзалан кхерч кхуллуш. Оьзда зуда, муьтѐахь хIусамнана, марзахошна гIиллакхехь нус хилира вайн Лулех. Шайн Йер-дахар Соьлжа-ГIалахь хиллехь а, кест-кеста Гѐйтѐа, марзахой болчу, кхочура нус, церан дезарш кхочуш дан. Дукхаезара марзахошна. Бакъду, кхечу тайпана Жумалаева Лулин хуьлийла а дацара. Хьалха-Мартантѐехь гIараваьлла вевзаш, юьртахоша лерамца цѐе йоккхуш, маслаIатана наха кхойкхий вуьгуш, кIорггера хаарш, багахь нохчийн мотт болуш Йеламстаг вара Лулин деда-Куна. Цуьнан тIаьхьенех йолу Жумалаева Лула яра, эчигах яьккхина гериг санна, дайх дисначу оьздачу гIиллакхийн гIап хилла, шен атта ца хиллачу дахарехула чекхъюьйлуш. Муьлххачу а нохчийн зудчун санна дахар морсо хиллехь, цкъа а дагахь ца хиллачу бохамаша шен дог Иийжинехь а, цкъа а леткъамаш беш Йедал дацара цуьнан, я шен лазамо Йовжийна кийра бассийна, кхечарна цунах кула еш Йедал а дацара. Диь бер дуьненчу делира Лулин. Делан къинхетамца царех ши йоI-Мадина, Макка дахарехь шайн меттиг а карийна, гIюза-маьрша ехаш ю. Лаккхара дешаран хьармашкахь говзаллаш кара-

ерзийна. Мадина, кхуьуш шиь кIант а волуш, нехан цѐнтѐехь ю. Лулин ши кIант кIезиг хан ехна веана хиллера кху харцдуьненчу. Нанна хала ду-кх шен доьзалхочунна тIаьхьа хьажа, и цкъа ца йоьрзу чов даг чохь латто а. Доьзалехь кIант воцчу нохчийн зудчун ойла шийла хуьлу, иза кханенах йогуш хуьлу, уллехь ваша воцчу шен йоIаршна хаддаза сагатдеш. Оцу къаьхьа луйттучу ойланийн ИндагIаш хаалора наггахь Жумалаева Лулин къамелашкахь а, массарна и шен ойланаш цо ца йовзийтахь а. Лайттан кийра дерзийна маликашца цъбаьна (уьш-м цунна тахана карийна хир ду, Дала мукъалахь!) дог морцу баланаш, гIайгIанаш а Иийшина яра Лула. Царах уггаре а дог морцург: XX-XXI-гIий бIешераш хотталучу муьрехь вайн махкахь къинхетамза кхихкина тIемаш. Даима а нохчийн къоман тешаме йоI хилла схьайогIучу Жумалаева Лулас, шен чуьра бохам санна, чIогIа хала лайра Нохчийчохь хилла ши тIом. Шен йохийна хIусам, авиатохарехь шен дегIах чекхъевлла бомбанан геригаш (цъбаерш дегIаца юьсуш) цо цкъа а хьаха ца йора. Ша схьаяьллачу къоман бала бара хаддаза цуьнан цIийца лозург, буса цуьнга наб цайойтург, дийнахь синпаргIатонах хедориг. Хьалха дукха нахана евзаш ца хиллехь а, Нохчийчохь буьрсачу тIеман ун даьржича, алссам адамашна евзина, тоьллачарех цъба журналистка хилла, вайх хIораммо шех дозалла дан хьакъдолуш дIахIоьттира Жумалаева Лула. Цо, цъханнех а ийза а ца луш, яздора вайна тIехь латточу харцонех, цъбаболчу федеральни эскаркийн векалша лелочу къизаллах, Йедалан векалийн хьарамлонех. Говза яздора. Цуьнан дош халкъе, махке дIакхочура. Вайн турпалхочун чулацаме,

маџне говзарш махкахоша хазахетарца еша а џоџшура, цџеначу даггара авторна баркалла олура. Вайн махкахойн баланех, гџайгџанех, нохчийн кџомо ловчу халонех таџзарах яздора похџмечу журналисто. Амма цкџа а, цхџанна а ца гина Жумалаева Лулас шен тџамо џо-хийначу хџусамах, хџаллакхиллачу џийбарх, тџехь-когахь доцуш доџзал бисарх, хџульџяла тховкџело џоцуш, кхиаза долчу берашца ша тџамах едда лелар, бевза-безачарна, верасаш-на џукџахь хилла эшамаш хџехош. Дерриге а нохчийн кџомана санна, Жумалаева Лулин гергарчарна ма кхечира оцу луџрачу тџеман кџызалла. Делахь а, шена тџекхаџчнарџ, собар-ца сатухуш, дагца кџийлар оџзда гџиллакх ду-кх бакџволчу журналистан. Ткџа Жумалаева Лула, цхџана а кепара шеко џоцуш, нохчийн кџоман тоџллачарах цхџа журналист яра.

Белхан накџосташна езаш, массаџрца цхџа-босса уџйр-марзонаш дџакхехџа хууш стаг а яра иза. Цхџа беркате серло, џовхо хуџлура и џолчохь. Са паргџатдолура цуџнца кџамеле ваџлча. Хџоранца а кџамел дан хууш яра иза. Хџоранна а дан хџехар, дала хџекџал дара цуџнгахь. Цундела, чиркхана герга хџийза полларчий санна, тџамо дегнаш эшийна ада-маш тџегџертара Лулина. Ша мел сиха яллахь а, тџевеџнарџ гџиллакхехь тџелаца, цуџнца хабаре яла а хан карайора цунна.

ДУЪНЕННА ДЕВЗИНА «НАНА» ЖУРНАЛ

2003-чу шеран гурахь дара, Жумалаева Лула «Нана» цџе џолу керла журнал кхолларан хџокџехь џолу шен ойланаш џовзу-џиту Нохчийн Республикин кџаџмнийн поли-тикин, арахџарчу зџенийн, зорбанан, хаамийн а министерстве еача. Цу хенахь иза халкџана, махкана а гџараяџлла евзаш журналист яра, кџеггина похџа долуш, шена хетарџ газетде-шархошна довзийта, зорбане даккха доџналла хиларна. Министран хџалхарчу заместитело Умхаев Хџамзата, Жумалаева Лулас а дехха кџамелаш дџира журналан хџокџехь. Умха-ев Хџамзатана тџаламат чџоџа тайнера вайн турпалхочо Лулас шена тџедеана мехала гџуллакх. Ала деза, Умхаев Хџамзат кџорггера хаарш долуш, дџика ненан мотт хууш, вайн махкарчу шуџйрачу хаамийн гџирсаша кхиа-ран новкџахь беркате заза хеца лууш стаг ву. Нохчийчохь кхин цхџаџ журнал арахеца лууш адам хиларх цунна мерза кхаџ хиллера. Зударшна лерина керла журнал схџаделла шегахь џолчу таронца гџо-накџосталла дан цо тџелецира, чекхдаккхира Хџамзата. Цо

кехаташ яздира (Дала гІазот кьобал дойла цуьнан) Россин Турпалхочуьнга, Нохчийн Республикин хьалхарчу Президенте Кадыров Ахьмад-Хьаьже, кхечу мехкашкахь санна, вайн махкахь а зударшна лерина журнал хилча, министерствона бакьахьа хеташ хиларан хьокьехь. Халкъана, махкана оьшучунна гІаьттина волчу Кадыров Ахьмад-Хьаьжас бакьо елира и тайпа журнал кхолла, цуьнан болх дІабахийта хьелаш кхолла. Ахчанца, журналан редакция оьшучу тховкІелонца Нохчийн Республикин кьаьмнийн политикин, арахарчу зІенийн, зорбанан, хаамийн министерствоуо гІо-накьосталла деш, 2004-чу шеран кхолламан беттан хьалхарчу деношкахь дуйна дІаболийра Жумалаева Лулас «Нана» Журнал кхолларан болх. Журналан це «Нана» хилча, юьхьанца массарна а

моьттура, иза беккьа зударийн лазамаш, сингаттамаш, гІайгІанаш юьйцуш, цІархазмана арахоьцуш шуьйрачу хаамийн гІирс хир бу. Амма кьеггинчу басаршкахь «Нана» журналан хьалхара лобмар зорбанера араьялча гуш дара: редакцин корматаллин а, кхоллараллин а лехамаш дуккха а лакхара хилар. Нийса хир дацара, «Нана» журналан агІонаш тІехь, шайна хетарг ала, дийца зударшна меттиг ца кхаьчнера аьлча. Иза мел оьшу а йолуш яра. Делахь а «Нана» журналло хІиттош долу хаттарш, тІамо Іазапе лаьцначу нохчийн кьоман лазамех дара. Цара бакьдерг дуйцура, уьш еша дог догІура, журнал доьшучийн цара дегайовхо кхуллура. «Нана» журналан шолгІа, кхоалгІа лобмар зорбане яьлча иза гІараделира. Цуьнан рогІера лобмар дешархоша чІогІа ларйора. Ала догІу, хІор а керла

лоьмар, мерза кхаь хуьлий, дIахIуттура цу чолхечу муьрехь. Кхин цхьа хIума дара суна билгалдаккха лууш: юьхьанца цхьана готтачу чохь дIаболийра Жумалаева Лулас «Нана» журналан болх. ШолгIа белхало охьахаа меттиг яцара оцу жимчу цIа чохь. Цундела и болх ша бора редакторо. Халачу хьелашкахь вовшахтухура цо журнал. ГIарадала доьллачу журналан редакцехь Iаламат дукха адам лаьт-тара. Бакьду, и адамаш мел дукха хиллехь а, Лула цкьа а обгIазьяхна я дарьелла гина яц суна. Шен деган комаьршаллица иза ларайо-ра, чувеанчунна там беш йистхила, шен жур-налана болх лаккхарчу тIегIанехь дIабахьа. «Нана» журнал схьадиллинчу хьалхарчу шерашкахь коьрта редактор хилла ца Iаш Жумалаева Лула корректор, массо а декъан редактор, дизайнер, верстальщик а яра. Ша деш долу гIуллакх доггаха дора цо. Цундела «Нана» журнал, хIуьттаренна, я гамонна ца алахь, ала хIума доцуш, Iаламат хаза, чулаца-ме дара. Цунна кьеггина тоьшалла ду, «Нана»

журнал зорбанехь арадаьлла кхо шо кхочуш, Ерриг россин зорбанан фестивалехь (2007-гIа шо) лауреат хилира. Иза цхьана Жумалаева Лулин кхиам хилла ца Iара. Ерриге а нохчийн кьоман журналистикин кхиам лара хьакьдо-луш, боккха юьхькIам бара Жумалаева Лулин хьаналчу кьинхьегамо халкьана, махкана беьнарг. Цул тIаьхьа мел дукха хилира и тай-па маьIне кхоллараллин кхиамаш. Жумалаева Лула Iаламат дукха а, беркате а кьахьобгуш стаг яра. Балха тIехь сахьташ лардеш ца Iара иза. Цуьнан дерриге дахар а кхоллараллина дIаделла дара. Заманан йохалла «Нана» жур-налан редакцехь оьшу белхалой гулбелира, цара мелла а накьосталла дора шайн коьртачу редакторна. «Нана» журналан редакци балха аравелира Лулин хIусамда-поэт Ясаев Леча. ТIаьхьо Лулин ший йоI а яра «Нана» журна-лан редакцехь болх беш. Делахь а коьртачу декъана ерриге а белхан йозалла коьртачу редакторна тIехь яра. Цхьана а кепара шеко хуьлийла доцуш, Жумалаева Лула ларайо-

ра, цкъа мацах дагца къобалбина, безаш ша юьхъарлаьцначу балхаца. Вайн махкара дукхахболу яздархой, журналисташ а «Нана» журналан редакце богъура, цуьнан агъонаш тӀехь шайн говзар зорбане яьлча, дозалла а деш. Бакъду, вайн махкарчу яздархошца, журналисташца гергарло лелийна Ӏаш-м яцара вайн турпалхо. Цуьнан кхоллараллин а, доттагӀаллин а зӀенаш яра Казахстанера, Украинера, Беларусера яздархошца, поэташца. Церан говзарш кест-кеста зорбане йовлура «Нана» журналан агъонаш тӀехь. Уллера гергарло, доттагӀаллийн зӀенаш яра Лулин Москвара, Санкт-Петербургера яздархошца, поэташца. Цигарчу яздархойн цхьанакхетараллаша, кест-кеста, кхойкхий, шайн «горгачу стоьле» юьгура «Нана» журналан коьрта редактор. Цуьнан къамеле лерина ладугъура цар. Жумалаева Лулина хьекъале, чулацаме къамел дан хаьара. Цуьнан къамел маьӀне дара. Цуьнан йистхилар даима а нохчийн къоман лазамех, сингаттамех хуьлура. Цо

диначу къамело ладогӀархойн дегнашкахь Ӏаткъаме лар юьтура. Лула журналист хилла ца Ӏара. Хьалха вай билгал ма даккхара, иза Ӏаламат похӀме поэт яра. Жигара прозехь болх беш яра.

Жумалаева Лулин хьалха а яра зорбане йийлина говзарш. Уьш къоначийн поэзин а, прозин а гуларшкахь зорбане евллера. 1988-чу шарахь араьяллачу «Чтобы жить на земле», «Лирика-90», 2003-чу араьяллачу «Строки, опаленные войной», Г.Немченкос кечийна, Москвахь 2007-чу шарахь зорбане яьккхинчу «Война длиною в жизнь», иштта кхечу гуларшкахь а яра вайн Лулин похӀме говзарш. Делахь а, 2015-чу шарахь Соьлжа-ГӀалахь зорбане яьллачу Жумалаева Лулин «Абрисы» цӀе йолчу повесто гайтира автор хаддаза шена тӀехь болх беш хилар а, кхоллараллин кхиарехь иза дика генаяьлла хилар а. Ша схьаяьллачу нохчийн къомах, къаьхьа чам бетталучу селханех а, къызачу тӀеман чалхалара аййала болчу лаамца, Нохчийчоьно еттаху эгӀазчу ка-

МІарех, вайнехан зовкхечу кханенах дегайовхо кхаба синъондалла хила езаш хиларх а йолу шен бехке йоцу ойланаш яра авторо «Абрисы» повеста тІехъ йовзийтинарш. Говзачу дашца, ирачу хъекъалца, къеггинчу похІмица нохчийн къоман нуьцкъала амал гайта хъуьнар хилира Жумалаева Лулин. Вайн махкарчу дешархочо хазахетарца тІеийцира цо язйина «Абрисы» повесть. Нохчийн къоман литература езачарна, евзачарна хууш дара Лула Іаламат похІме поэт хилар. «Абрисы» повесто тІечІагІдира иза кхоллараллин кхиарехъ ГІеметтахІоьттина прозаик хилар а. Хъахаделлачуьра билгалдаккха догІу, Жумалаева Лулин кхин а алсам говзарш яра зорбане яха кечйина. Царна юкъахъ тоьллачарах лара хъакъдолуш яра публицистикин жанрехъ язйина «Детектор лжи» цІе йолу говзар а, цуьнан, хІора могІанехъ нохчийн хІо деттало дийцарийн а, повестийн а «Цепи снеговых гор» цІе йолу гулар а, шайн доза доцчу исбаьхъаллица, хІора хъаркаца дешархойн синкІоргене кховда ницкъ кхочуш йолу байтийн «Гнездо на ветру» цІе йолу гулар а. Цкъа мацца а, зорбане а евлла, гург хир ю уьш дешархочунна, Дала мукъалахъ! Бакъду, Жумалаева Лулин ирс ца хили, уьш зорбане а яьхна, царах бІаьргтоха. ЦІаьххъана кхетгачу цамгаро, къинхетамза вайна юкъара а яьккхина, дІайиги нохчийн къоман журналистийн могІаршкахъ тоьллачарах цхъаь хилла йолу Жумалаева Лула. Цуьнан гергарчарна,

белхан накъосташна, доттагІашна дагахъ а дачара: цхъа тамашена сирла елакъажар маьлхан зІаьнаршца йохъе дуьйллуш йолу Жумалаева Лула иштта сиха дІакхелхар ю аьлла. Делан Іожалло 2019-чу шеран оханан (апрель) беттан 28-чу дийнахъ детталучуьра сацийра нохчийн къоман яхъ йолчу йоьІан экам дог. Цуьнан доьзална, Нохчийн Республикин журналистийн а, яздархойн а цхъанакхетараллашна эшам хилла ца Іа Лула дІакхалхар. Халкъана, махкана а эшам бу лаккхарчу тІегІанехъ говзалла йолуш, дерриге а дахар хъаналчу къинхъегамна дІаделла, даима нохчоллах къилба дина даьхна беркате адам вайна юкъара дІадалар. Ша евзаш, езаш хиллачу массо а адамийн стеган дог Іовжош, бакъдуьнене йирзира нохчийн оьзда йоІ Жумалаева Лула. Бакъду, пхийтта шарахъ, де-буьйсий ца лоьруш, ша къахъегна «Нана» журнал байлахъ дитира цо, тхуна, ша дукхаезачу, шен белхан накъосташна, хаза бІаьсте шелъеш. ХІинца дерриге а «Зорбанан цІа» а кхоьлина хета, гуьйренан мархаша бода букъбича санна, Жумалаева Лулин зевне елар а, бІаьстенан зазанах тера догІу цуьнан елакъажар а къайладаларна. Цхъа тайна марзо яра шен эсалчу амалца цо тхуна юкъахъ латтош. Бакъйолчу нохчийн зудчун аьхна дикалла яра цуьнца, шена улле нисвеллачун дахаре болу безам чІагІбеш, кханенах дегайовхо кхуллуш, сирлачу ирсах тешош. Тахана, и дерриге а ца тоьуш санна, хета.

БОРХАДЖИЕВ Хожбауди

СЛОВО О МАСТЕРЕ СЛОВА

Творчество Лулы Жумалаевой широко известно в нашей республике. Несомненно, в течение последних десятилетий она входила в когорту лучших мастеров слова, пишущих на русском языке.

Тяжело о ней писать в прошедшем времени. Еще недавно она радовала нас своими поэтическими новинками, ее стихи были востребованы читателем, причем на очный и заочный контакт с ней чаще выходили любители поэзии, искушенные в сложных формах этого жанра.

У Л. Жумалаевой было свое, особое, оригинальное видение окружающего мира. Ее оценка тех или иных событий – современных и исторических — всегда становилась отправной точкой для живой, активной полемики, а анализ поднятых тем порой разнился с устоявшимся мнением широкой общественности. Лула умела вовлечь в спор сильных специалистов профильных дисциплин, и дебаты становились полезными и нужными.

Поэтическая звезда Лулы Жумалаевой взошла во второй половине 80-х годов прошлого века, когда стихи молодого автора стали регулярно появляться на полосах республиканской молодежной газеты «Комсомольское племя» (потом она имела другое название – «Республика»). Наше знакомство состоялось на форуме молодых поэтов и прозаиков в 1987 году. Стихи Лулы были хорошо оценены признанными мастерами художественного слова Виктором Богдановым, Иваном Минтяком и Саидом Чахкиевым, который в стенах детского журнала «Радуга» учредил тогда русскоязычное литобъединение «Прометей», ставшее очагом роста молодой поросли в поэзии. Тогда

и зазвучали новые имена: Саид Мацаев, Альберт Магомедов, Абу Эдельханов, Василий Литвиненко и др. Конечно, здесь следует назвать и Л. Жумалаеву. Старался от них не отставать и я. Это было время поиска нового слова в литературе. Горбачевская политика внедрения в массы плюрализма мнений и гласности не могла не отразиться и на жизненной позиции молодых авторов, которые старались писать смело, броско, ярко, нестандартно.

Порой поэты сбивались на неожиданные и даже непонятные образы и языковые изыски. Приходилось нередко слышать от того или иного автора ставший модным словооборот, имеющий защитную функцию: «Я так вижу...» Наш руководитель Саид Чахкиев не всегда соглашался с «видением» того или иного «прометейца», и обсуждение произведений выливалось в жаркую дискуссию. В любом случае, в таких спорах действительно рождалась истина.

Оригинальными считались поэтические труды Лулы, которая выгодно отличалась от остальных тем, что умела защищаться. Она была очень начитанна, прекрасно знала поэзию не только элитарных авторов, но и малоизвестных. Могла цитировать по ходу полемики авторитетного критика, и ссылки выглядели уместными и убедительными. Потом Лула стала пропускать заседания, и это было довольно заметно на общем тоне нашего клуба. Правда, к тому времени она появилась в печати в качестве соавтора коллективного сборника. Книжка была небольшая, но любители поэзии дали ей высокую оценку.

В начале шальных 90-х «Прометей» «приказал долго жить». А все десятилетие оставило негативный след во многих сферах человеческой деятельности: в образовании, культуре, литературе.

Начало текущего столетия ознаменовалось

реанимацией старых печатных изданий, а вскоре появились новые газеты и журналы под патронажем министерства по внешним связям, печати и информации. С первого выпуска коллектив журнала «Нана», возглавляемый Лулой Жумалаевой, зарекомендовал себя с лучшей стороны, и ни для кого не было секретом, что главный редактор большую часть работы по его выпуску брала на себя. Лула выработала редакционную политику, сверяя ее с популярными изданиями других регионов. «Нана» не замыкалась в рамках чеченских реалий, смело выходила на связь с родственными изданиями. Публикуемые материалы сплошь и рядом были читабельными, в творческом коллективе хорошо была налажена обратная связь с читателем, что позволяло главному редактору постоянно держать палец на пульсе времени. Следует сказать, что и дизайнерская работа осуществлялась на высоком уровне. На страницах журнала постоянно печатались произведения авторов «со стороны». Это было на пользу местным авторам: все ведь постигается в сравнении.

В течение пяти лет я возглавлял Союз журналистов Чеченской Республики, и не раз

участвовал с коллегами во Всероссийском фестивале журналистов, а также и в других крупных форумах СМИ. Мы имели возможность регулярно презентовать свои печатные издания, и скажу откровенно: журнал «Нана» выставляли на обозрение всегда с большой охотой, ибо знали, что он быстро разойдется и поднимет рейтинг чеченских СМИ. И не зря данное издание в течение 2008-2012 годов входило в «Золотой фонд прессы России». Достойный успех!

Лула Жумалаева была «наной» в родном коллективе, и ее забота была определяющей в успехах любимого детища.

Сегодня Лулы нет с нами: жестокий недуг прервал ее жизнь в пору творческого апогея. Она жила поэзией и журналистикой, самозабвенно любя эти творческие направления. Ее любили все, ибо она была открыта для всех, выказывая блестящие грани своего таланта. Такой она и запомнится ее современникам, и именно такой останется в памяти грядущих поколений.

Дала гечдойла цунна! Дала декъалйойла иза! Дала Ялсамане кхача пурба лойла цунна!

Роза ДАХАЕВА

2019 год, весна... 28 апреля ушла в мир праведный Лула Жумалаева – один из светочей нашей творческой интеллигенции. Зеркало, в котором отображались и чаяния народа, и облик чеченской женщины, погасло. Но сам свет зеркала негасим. Этот свет нужен живым, и он будет в памяти людской.

***

Ушла.
Сбросила с плеч своих бремя,
Что порою давило как гнет...
Ведь горела, а вот же, Время,
Унесло тяжесть всех забот.

Озарений в стихах было столько,
Их постигнуть уйдет много лет.
Сознавать только истину горько –
Что великой души с нами нет...
Лулы нет.

Ушла.
Окропились мы росами. Слезы.
Кто-то выплакал их, кто-то нет.
Чистой нежностью белой березы
В жизни нашей оставила след.

Светлым заревом минарет, –
Мир иной подает нам свет.

01.05.2019

Асламбек ТУГУЗОВ

Роза ТАЛХИГОВА

ЛУЛЕ ЖУМАЛАЕВОЙ

СЕСТРЕ ПО ПЕРУ

Все – тень и горький прах обрушенного крова,
Но остается след и долго светит слово.

Но остается боль и бродит где-то близко,
Как памятная тень у стелы обелиска.

И если эта смерть – лекарство от бессилья,
Теперь твой легок шаг и непорочны крылья.

Теперь твоя судьба уже не канет в Лету.
Пусть не будет труб, зачем они поэту?

Зачем теперь слова, когда прервалась связь
С живыми на земле, и песня обожглась?

Пусть уж воеет волк, и сонная волчица
Подхватит скорбный вой,
и громко вскрикнет птица

Над Родиной глухой – пусть плачет через силу...
Знай, родная дочь твоя сошла в могилу.

Луле Жумалаевой¹

Пусть на сердце кровоточат раны,
И забыть былое не дано...
Но дороже чем чужие страны
Нам своя Отчизна все равно.

Не держи тоску свою в неволе,
Пусть по строкам побежит слеза...
Горечь ожидания и боли
До сих пор живет у нас в глазах.

Ты пиши в часы немой печали,
Ведь молчанью – оправданья нет,
Чтобы наши дети не встречали
Снова окровавленный рассвет.

Ты скажи, сестра, такое Слово,
Чтоб земля застыла не дыша,
Чтоб из пепла возрождаясь снова,
Встала опаленная душа...

Ты живи, сестра, на радость близким!
Пусть Аллах хранит тебя от бед!
Пусть стихи встают, как обелиски –
Тем, кого сегодня с нами нет!

¹ Стихотворение было написано незадолго до смерти Лулы Жумалаевой

РАЖАП Мусаев

«Забудь о нелепых условностях материального мира и совершенствуйся в избранном деле!»

В 2007 году я только вернулся домой после учебы – реализовывал в регионе различные общественные проекты. Мы запустили школу практической журналистики, в которой маститые журналисты и медиа-менеджеры еженедельно делились своими профессиональными секретами с будущими коллегами. Лула с радостью откликнулась на мою просьбу – провести мастер-класс для слушателей нашей школы. В этот проект были заложены средства для оплаты труда всех приглашенных и задействованных в работе лекторов и спикеров. Они делились с подрастающим поколением своими историями успеха, давали практические советы по азам профессии. Лула тогда провела один из самых лучших мастер-классов за все время функционирования нашей школы. Но, когда я попытался вручить причитающийся ей гонорар, то попал в очень неловкую ситуацию: она сказала, что, если я впредь не буду говорить с ней о деньгах, то она с радостью продолжит занятия по обучению и просвещению нашей молодежи... А на деньги от гонорара посоветовала прикупить конфеты и торт к чаю, чтобы слушатели школы могли просто собраться за общим столом. Могу ошибаться, но, кажется, она была единственной женщиной среди приглашенных специалистов – за все время существования этой школы – и уж точно единственным лектором, который себя так повел.

Позднее, в течение нескольких лет мне до-

велось поработать с ней в одном здании – и видеть ее благородство, честность, самоотверженность в самой что ни на есть повседневности.

Последние года два я часто общался с ней в соцсетях; она редактировала и правила мои рассказы, часть из которых была опубликована в журнале «Нана». Несколько раз пытался хоть как-то отблагодарить ее за все ценные советы и помощь. Но каждый раз словно упирался в бетонную стену: она повторяла, что лучшая благодарность для нее – творческий рост хотя бы еще одного представителя чеченской молодежи. Она видела в этом свой долг, а не работу или оплачиваемую услугу.

В одном из последних писем я вновь поднял эту «злополучную» тему – вознаграждения за редактуру моих текстов. Еще раз объяснил: как бы мне было комфортнее и спокойно на душе – обратиться к ней за помощью в следующий раз. Приведу отрезок из ее ответного письма:

«Понравилась твоя щепетильность... Тронуло. Но... Давай не будем усложнять.

Как только заходит речь о финансах, меня одолевает тоска.

Я так же работаю в нескольких местах. И уже очень давно. Именно для того, чтобы литература и всё, что относится к ней, оставались вне товарно-денежных отношений.

Это не игра в филантропию. Просто данная раз и навсегда установка.

Если моё старческое брюзжание по поводу

Тамара Юнусова ► Куна Лула

hier à 15:53 • 🌐

Лула дорогая, с днем рождения тебя! Что сказать тебе в этот день? В твое нежное, мудрое и мужественное Сердце Создатель вложил так много талантов и достоинств! Ты признанный Поэт, Прозаик, Художник, Философ, прекрасный руководитель, Мать, Друг и просто красивый человек! Ты - гордость Нации! Да хранит тебя всегда и во всем наш Творец! Будь здорова, радостна и обязательно счастлива! И живи долго-долго! Твое Живое Слово способно пробудить Память и рассеять любую тьму сознания! Искренне, Тамар Ю.

Из переписки Лулы с Тамарой Юнусовой в Фейсбуке

тех или иных недочётов ты воспринимаешь адекватно – это лучшая награда для меня.

Я заинтересована (кровно) в качественной национальной литературе.

Поэтому прими мои советы и мелкие «ц.у.», как элементарный разбор полётов от старшего (но отнюдь не более талантливый) коллеги.

Считай это моим хобби».

И когда я в ответ заговорил о совести, что мне, дескать, совестно отнимать время у взрослого человека на свои первые шаги в литературе, она прислала ещё одно письмо.

«А совесть оставь в покое. То, что ты «сообразишь» для очистки своей совести, ляжет тёмным пятном на мою многострельную... А ей скоро идти к Порогу. Дай ей возможность подойти к нему с лёгкой поклажей.

Больше эту тему не обсуждаем.

Да, ты не хуже моего знаешь малую цену всего мирского. И потому – забудь о нелепых

условностях материального мира и совершенствуйся в избранном деле»...

Вот такой женщиной была Лула. Полной мужества и достоинства, заботливости и равнодушия к проблемам окружающих, цельной и самодостаточной, щедрой и талантливой во всем. И она проживала свою жизнь – каждый ее день – стоя «у Порога». Соизмеряла каждый свой шаг, каждый поступок – по столь редкой в наши дни – шкале ценностей, заботясь лишь о том, что унесёт с собой в лучший из миров...

Через несколько месяцев после кончины Лулы умерла и Тамара Юнусова, ещё одна горянка, которая не уступала многим мужчинам такими, казалось бы, сугубо мужскими качествами, как смелость, щедрость и стойкость.

Куна Лула

Тамар, сестра моя, нас Всевышний оделил счастьем быть дочерьми великой духом нации, кровная принадлежность к которой уже есть миссия. Любой(ая) из нас, в ком бьётся сердце нохчи, несёт в себе отсвет великих деяний отцов. Все наши таланты, всё то, чем мы гордимся друг в друге, - зёрна национальной духовной житницы, счастливо унаследованной нами. Нет среди нас более или менее талантливых. Есть более или менее наделённые той или иной ответственностью перед памятью близких и дальних предков. В той или иной области. И да пребудет с нами Милость Творца!

13 h J'aime Répondre

К сожалению, все это время я находился за пределами родного края на лечении и не смог

посетить похороны этих двух удивительных чеченок, выразить соболезнования их родным. Самое малое, что сейчас хотелось бы сделать в память о них – это учредить две специальные номинации, в рамках Всероссийской интернет-премии «Прометей», которая вручается авторам технологических проектов за вклад в жизнь людей. Номинация на эту премию проводится мною уже десятый год – в отличие от остальных подобных конкурсов наша премия вручается именно за деятельность на благо и пользу людям.

Лула была очень многогранной личностью, талантливой в разных областях – как поэтесса, публицист, журналист, переводчик...

Поэтому, думаю, будет правильным учредить в память о ней награду – для таких же та-

лантливых и многогранных молодых писателей и журналистов Кавказа. Надеюсь, ее родные не будут против этой инициативы. И, конечно, нахожу символичным, что свой творческий путь в далекие 70-ые годы прошлого века, Лула начинала в литературном объединении «Прометей», будучи еще студенткой ЧИГУ – одноименном с названием нашей премии.

Лула оставила после себя яркий след в сердцах всех, кто ее знал, кто пересекался с ней хоть в каких-то микроэпизодах.

Все мы от Всевышнего – и к Нему наше возвращение!

Дай Аллах нам всем оставить после себя хотя бы небольшую частичку такого следа, какой оставила Лула – и такое же доброе имя и светлую память!

ЮСУПОВ Юсман,
яздархо

«Лулин сирла са...»

(Жумалаева Лулин 60 шо кхачарна
дадабхьначу цхьабнакхетарехь дина къамел)

Хийла тайначу кIантах, оздачу зудчух, хийла дикачу адамех дисина дуьне ду хIара. Бухабуьсучарна синтем хиллал бахьанаш а хIуьттущ, эхарта дабахна уьш. Кху лаьтта тIехь кIоргга лар йитинарш а бу, махо яхьна чемхалг санна, шайх дагадан хIума доцуш, байнарш а бу. Шайн дахар маьIнах дуза ницкъ кхаьчна цхьаболчийн, кхиберш, даьсса таьлсаш айина, бахана, йолуш хилар а шаьш шеконе диллинчу Йоккхачу Кхиэле... Ткъа Кхиэле-м хIетте а хIотта ма дезий хIораннан а, шеко я дог тешна хилар хьесапе а доцуш. Жоп дала а деза, Iер-леларх хьовха, садеIарца ягарийнчу хенах а цхьаьна. Эрна яйинарг дошах тIе а язлуш, дикачух юзийнарг, гIуллакх хир и, дош хир я ойла, боданехь нуьрах лепаш, къевкъехь IиндагIа хуьлий, хIуьттущ...

Суна йовзарехь, Лула хенан пусар динчех яра. Кхочуш хила тарлучу а, хиллане хила йиш йоцчу а сатийсамашка буьйлуш, дардитаран метте доIа-дехарш хIиттош бежа нах пайдениг дан ца ларабо. ХIумма деш а боцуш, амма гуттар а хан ца тоьаш бежа уьш, тIе мел кхаьчначуьнга леткъамаш а беш. Баьссачу сатийсамех тIорказ дузалац, йийшина Iохку дегайовхонаш а Iахар юьсу.

Белхаш дукха беллахь а, кхачам боллуш цаьрца ларайора Лула. Дахаран урх тесна цаюьтучийн, шен зама низамна кIел сецочийн билгало ю и. Журнал тоьллагчийн магIарехь латто а, йозанан нахаца хьо-со лело а, шен кхоллараллехь къахьега а кхуьура иза. «Кхоллараллехь къахьега» алар нийса доций а хаьа суна. ХIетте

а, иштта дIаэли-кха ас и, яздархойн, йозанца болчу журналистийн дог кхойна. Цу балхах хуьлучу йоле диллича, къахьегар-м хIетте а дацара и, нийсса дIа вацар ду-кха. Делахь а, цхьанна тIедожа дезаш а, тIедобжначо дIатекхо дезаш а дукъ ду-кха юкьарчу балхах дерг, дехьа-сехьа кхийдо там а боцуш, я кхийдорах, кхечо шен лаамца хьобгара дIаоьцур а доцуш. Лула шен кхожана муьтIахь лаьттира, оьмаран йист-зиле кхаччалц.

Ткъа кхаж-м банне а атгачех бацара.

Литература а, и литература шайн йозанашца кхиош болу нах а безаш, цаьрца уьйр тесна, шен говзалла гуттар а тусуш, дешан ницкъ шена муьтIахь латтош, схьайогIура Лула. Цу заманашкахь юьхьдуьхьал гина яц суна иза, дош-къамел а ца деана тхуна юкьа, амма дешаран а, кхоллараллин а гIуллакхаша, тIаьхьа балхо а цунна улле нисбина, цуьнца хьо-со лелла болчу наха йийцарехь а, цо ша язйинчу произведенешкахула а кхачо йоллуш евзина суна Жумалаева Лула.

Поэтесса, прозаик, журналист...

Лула коьрта редактор хилла, аьлча а, цо ша вовшахдиттина «Нана» журнал ца девзаш стаг хир вац вайн республикехь. Шен хьалхарчу номер тIера тахханалц схьа нохчийн ненан, нохчийн зудчун, нохчийн йоьIан васт достуш, нохчийн гIиллакх-оьздангаллин сийлаллаш толлуш, церан чам-марзо дешархошка дIакхачош, схьадогIу и журнал. Нохчийн яздархойх, поэтех хIор а вуй-те, аьлла хеташ, цу редакцехь хуьлуш а вара, кхузахь шаьш лобху кхоллараллин накьосталла а карадора царна.

Кху чохь а бу иштганиш дуккха а. Журнала-
ца, цуьнан коьрта редакторца а шайн хиллачу
гергарлонах цара дуйцург хир ду вайна.

Ткъа суна кхин хьахо лаьара. Хала заманаш
техна вай.

Хьалхара тIом...

*Нас приглашали с ухмылочкой в Ад.
В этот город с щербатым оскалом.
Те, кто звался толпою усталой,
Нынче – трупами – сложены в ряд.*

*Жизнь - весёлая, глупая, смутная -
Молча вылилась в смрадную Смерть.
Помнишь Сунжу, от крови мутную?
Помнишь женицин – предсмертное – «нет!»?*

*Помнишь псов, объедающих трупы?
В центре города – пыльный смерч?
Помнишь смертную тишь фильтропунктов?
Взгляд малышки, рисующей Смерть?*

*Помнишь. Помним... Надолго запомним.
Эта память – осиновый кол
В трусость тех, кто бесчестьем заплёван,
В тех, кто истину ложью замёл.*

*Нас так долго учили молчанью.
Нас так долго вели в дураках.
Может, хватит стадным мычаньем
Осквернять павших юношей прах?*

*Не затем умирали подростки,
Чтоб их мать, подаянье прося,
Проклинала бесовскую поросль
Этих замков - притон воронья.*

*Не затем очищались от скверны,
Не затем горела земля,
Чтоб от блеска грошей ослепли
Те, в чьей власти так слепо Чечня.*

*Нас приглашали с ухмылочкой в Ад
Остряки от российской сермяги.
Но привратником в ад - бывший брат?
... Видно, знали соль шутки вояки.*

1996г.

Цул тIаьхьа яьркинарш а яра Iаламат кар-
захе заманаш...

XIинц-xIинца дIабирзинчу тIамо дохорах,
кхин ваьшта дан ца туьгуш, тахане янне а
йоцуш я, мел хьалха хьежарх, бIаьрге кхане
а ца лацалуш, тилкхаздаьлла хьийзаш дара
нохчийн къам. Ма-дарра аьлча-м, дIабирзина
лара а ца богIура тIом. Tом дIаберзар дац-кхи,
деккьа даккхийра герзийн «дурр» дIатер а,
дIо-о цхьаьнхьа, мархашна юкьара, охьаIена
бомбанаш совцар а. Цу тIе даьлча, дуьххьалдIа
оцу шина къематах лаьтташ ма баций тIом.
Tеман васташ, дагардина ца валлал, дукха
ма ду, шайх коьртаниг къизалла а йолуш.
Ткъа иза, и акха къизалла, махкахь шорта
яра. Tом болчу хенахьчул а сов гора герзех
боьттина нах, мелла а алсамьевллера эвхьаз-
лонаш, вас-гамонаш. Вер-ваккхарш, адамаш
лечкьораш, талораш... ДIо-о цхьа араьбарчу
мостагIийн буьйр-омранца, амма вайн къомах
болчу ямартхойн куьйгашца ден зуламаш,
шайн маьттазаллийца мел доьналлечун а ойла
кIельюьтур йолуш долу... Юха гIорасизалла
а. XIаь, и а ю-кха тIеман маьттазчу вастех. Та-
лийна мохк. Школаш, больницаш лаьттинчохь
– еккьа хьакхлагIаш. Селхана мерах-йовхарел
башха вай ца даьшначу цамгарша тахана, туь-
ран дитто санна, эгош...

Напханна дан амал доцу доьзалийн дай –
ехачу буса цхьа гIаддайна ойланаш кегийча,
дерзинчу бакьдолчух тIекIел духарех къар-
зьелла наб хьаьрчий, цу полах цхьа декьаза
сатийсам кхиабой, деллахь, тахана мукьна
а мухханиг хилла а болх карийна, сом-эппаз
даккхаделла, хIусаме баьпкан юьхк ялур

яцара-те, олий, оцу бѡаьрзечу бозбуунчаллех
 Іехалой, садаьржаш кех волий, сарралц раз-
 пурх некъ-урамаш идадой, нехан чу хІоттал
 бІарзлой, амма шен неІаре хІотта бІо ца
 булуш, кхоблина бѡаьргаш наггахь стигала
 хьала а хьовсош, шаьш дехачу ков-кертана
 гонаш туьйсудоззалийн дай... Вешан цІийца,
 тІамарца вай сатийсина паргІато даррехь
 емальеш яра, къоман шех бІоболар, шен сино
 хьобхучух тешар харцийна дІадаьккхинера.
 Бакъ-харц, ораллин хенахь лаьхьарчий сан-
 на, тІеда уьйриг хилла, вовшахьаьрчинера,
 цхьаь вукхунах къасталур а доцущ. БІеннаш
 шерашкахь тхьамдаллехь лаьттина сийлал-
 лаш цІунала охьатийсинера, цІе хийцарца
 церан юьхь а талхош. ХІаь дера, и а дир-кха,
 къонахаллах сонталла а олуш, хьаналчух ваха
 цахуург а веш, дайша дитинчунна тІетийжарг
 Іеса а кхайкхош...

Карзахе зама яра, яра-те...

Цу чолхечу замано а, тІегІоьртинчу вуонех
 хьалхадовла вешан кхетам цатоаро а нохчийн
 похІмечу зудчун хьекьалх, хьуьнарх а теший-
 ра цхьаберш.

*Даруй мне слёзность жалоб и речей,
 Способных растопить - моё же - бремя.
 Даруй мне не взирать - на время
 Гремящих сзади ворохом ключей.*

*Даруй мне слабость женщиной остаться -
 Неистойвой отступницей Судьбы.
 Даруй мне слабость с миром не расстаться...
 Или ему остаться помощи.*

Шатайпа ю Лулин поэзи. Байтийн охІланчаша
 дика дуьйцур ду царях. Сайна хьакь доцчу кха
 тІе, со охІла воцчу балхе кхийда ца лаьа суна.
 Поэзи цаезар-м дера дацара сан и, дубьхьал дІа
 оьшу дош коьрте ца дарна кхобру-кха.

Со Лулин прозано инзарбаьхначех ву.

КІеззигчу дешнашца доккха сурт хІотто
 говзалла йолуш яздархо яра иза. Боккьалла а
 аьлча, хІума дийца данне а хала дац. Я гена-
 яьлла корматалла а, я доккха похІма а ца оьшу
 хезнарг-гинарг дийца. Цул сов, дийцинарг
 дІоггара кхачаме а ца хуьлу, стеган ойлане,
 цуьнан даге кховда лерина хьо велахь. ХІума
 ГАЙТА деза, беснаш а ловзуш, хьожа а етта-
 луш хила догІу яздархочо хІоттош долу сурт.

*«...после первой войны мы возвращались в
 пустые дворы, вернее, в прямоугольники быв-
 ших дворов, с абрисно – обломками прежних
 фундаментов – обозначенными границами.
 Нас встретили руины – фрагменты бывших
 жилищ, словно рассыпавшиеся пазлы из дет-
 ской игры. Земля, сплошь усеянная крошевом
 стекла, гильзами, битым кирпичом, кусками
 бетона с торчащими рваными ошметками
 арматуры, бесчисленными осколками впере-
 мешку с лоскутами штор, сорванных с окон
 и гниющими тряпочками застрявших среди
 мусора и бьющихся на ветру, валяющимися
 абажурами торшеров, погнутыми, с жалко
 смотрящимися на пронзительном дневном
 свету стеклянными подвесками люстр, не-
 понятного цвета лоскутами обоев, разбух-
 шими под дождями остатками мебели – и...
 пеплом... Словно взорванный изнутри, выво-
 роченный наизнанку, стыдливо оголившийся
 быт. Вырванные с корнями – взрывными
 волнами – деревья и пронзительное небо над
 оглушающей тишиной мёртвого простран-
 ства опустевших улиц...»*

*«...Мы так и вспоминаем это время – «вре-
 мя I-й Мировой», второй... И будем вспоми-
 нать. Наверное, потому, что для нас тогда
 действительно весь мир был – вот эти раз-
 वालीны в центре некогда крупного города, а
 сейчас – огромного каменного карьера. Мир
 был – это огромное куполообразное небо, в
 которое мы буквально вращались /такого не*

видела и в степи/. Мир был – наше бесконечно нищее и абсолютно никому не нужное и неведомое прочему миру бесправное и полуголодное существование в этой геометрической абстракции, которому человечество, понаторевшее в войнах и разрушениях, дало название «руины». Да. Руины ушедшего в небытие, словно и не бывшего никогда мира, руины наших, казалось, вечных, жилищ, руины наших маленьких человеческих миров...»

Иштта бу и, нохчийн зудчунна гина тЮм...

Дуьззина сурт. Сираллера макхалле лелха беснаш а ду, туьран дитто санна, бӀаьрг цоьстуш... Хьожа а еттало... Докъан хьожа... ДегӀастанахь мел долу каш цхьанаметта даьстича санна... де-дийне мел долу дукълуш догӀу хӀаваь лахьтанаш чохь бухдуйлуш долуш санна... барми тӀехь мел ваьхьнарг цхьа бохам тосабелла, юха цӀавеача санна, шайн марчонашна юкбахь кошан нӀаьний а дохьуш...

Бакъволчу яздархочун дарж дӀакхехьа, иза лардан вуно хала ду. Доккха жобпалла ду цунна тӀехь. Цкъа-делахь, гуттар а халкъанний, Ӏедалний юккъехь латта везаш ву и, халкъехьа озабезам а болуш. ШолгӀа-делахь, халкъан синхьал, цуьнан ницкъ-таро теллина, евзина хила веза. Цу халкъе далун дерг а, цуьнан гӀора кхочур доцург а хиьна, сонтачу аьрхаллех иза лардан гӀорта декхар ву яздархо. Карара зама а, цу заманан лехамаш а бовзарехь лула-кулахь а, дехьа-сехьа а дехачу къаьмнел дуккха а тӀаьхьадисна долу нохчийн къам царна тӀекхио гӀортар а яздархошна тӀехь ду...

Иштта йоккха го суна вайн юкьараллехь бакъволчу яздархочун, Ӏилманчин меттиг.

Дешнаш вовшах а доьзна, мужалта тӀе шен цӀе йилличхьана шех яздархо хуьлу моьттуш дуккха а йозанчаш кхиьна вайн. Кхиьна аьлча а, леррина кхийна-кха, вайн вуьшта а гӀийла йолу литература билггал йохорхьама.

Киншкаш йоьшуш болу нах чомах бохийна. Жижиг-галий, чӀепалггий дууш ваьхна стаг, китаьхоша кечъечу кийра бесточу гарзанашка марзвар санна хӀума ду и. Оццу гарзанаша дегӀ талхоре терра, и вай юьйцучу «сакхт киншкаша» нехан са талхадо. Доккха зулам ду и. Эхартан дикане сатуьйсила-м муххе а яцара къоман са талхочийн, нагахь цу эхартах уьш тешаш беллахь а, дуьне а дац-кха церан. Иштта халкъана ямарт хиллачух замано цуьнан доьзалшна тӀехь чӀир оьцу. Селхенашка юхахьовса вай мало ца йичхьана, тешаллаш а гур ду-кха вайна, дагардина ца валлал дукха...

Жумалаева Лула бакъйолу яздархо яра. Цуьнан хӀор а произведени дахаран философих юьзна ю. Академически философин терминашца юьзна, холчаяьккхина а йоцуш, маьӀнаш чучча эхийтина, хьийзийна а доцуш. Цуьнан философи дуьненах а, адамах а, цу шиннан вовшашца йолчу уьйрех а, гамонех а ю. Лулина бакъдерг карийнера – Делаца а, адамца а шалхонаш лело мегар цахиларца. Олург нийсса дӀа хила деза, мел къаьхьа, мел лазама и делахь а. Стаг кхойина, я тӀехуленах Ӏехавелла, бакъдерг хьулдича, харцоно той хӀоттадо. МоттаргӀанашка доьрзу доллу хӀума а, ткъа моттаргӀанашца беркат хуьлийла дац.

Лулина нохчийн зудчун са девзинера. Оцу сица лозург а, цу синна тем бийриг а къасто хаьара цунна. Лулин прозин а, поэзин а произведеница нохчийн зудчун син цхьацца агӀо дӀаеллало дешархочун кхетамна. ЦӀена, сирла са ду Лулас вайна довзийтинарг. Вайн нанойн, йижарийн са!

«Къонах къонахчунна бен вевзар вац», – баьхна вайн дайша. ХӀета, сирла, цӀена са довзийта а хуур дац-кха, ша сица сирла, цӀена воцчунна.

Дала шен эхартах йоккхаейойла вайн йиша Лула...

Дала декъалдойла нохчийн къам!

«ПОЭТЫ ХОДЯТ ПЯТКАМИ ПО ЛЕЗВИЮ НОЖА»...

Юбилей Лулы Куни. В невозможном, неприемлемом сочетании – посмертный! Как трудно говорить о ней – близкой, родной, с искрящимися умными глазами, с улыбкой, затаившейся в уголках губ и ямочками на щеках, а через какое-то время – со вселенской печалью...

Что из наших девичьих воспоминаний (а таковыми – юными – всегда остаются люди, встретившиеся на заре жизни) может быть интересно миру?!

Возможно то, что ни одна душа, соприкоснувшаяся с душой Лулы, человека огромного таланта, очень глубокой мысли, невероятной работоспособности, не могла не испытать влияния её большой души. Что можно в таком случае сказать о её Поэтическом Слове, таком сильном, верном, вызывающем мурашки?!

«Поэты ходят пятками по лезвию ножа и режут в кровь свои босые души»... Эта тема – иногда напрямую, а иногда косвенно, появлялась в наших разговорах. Чаще – как моя боль за неё, все невзгоды народные пропускавшую через себя. Она не умела беречь себя, со всей горячностью впитывая то, отчего другие спокойно могли отмежеваться, – оправдываясь тем, что бессильны.

И можно говорить о каких угодно медицинских диагнозах, но именно это неравнодушие сократило её век – век Поэта!

Дала декъалийола иза! Для нашего народа, для всего литературного мира, её уход – это большая утрата!

Роза ЦАКАЕВА

ЛУЛА

Недели две-три назад мне предложили написать о Луле Куни. Готовился вечер памяти – ко дню ее рождения, 18-го февраля. Я не попала на этот вечер, о чем очень сожалею. Среди множества слов и слез, которые воздушно и капельно растают в периметре квадратных метров Национальной библиотеки им. Абузара Айдамирова, слов, которые ничто для бесконечной Вселенной... среди умиротворения и восхищения человеком, жившим только что рядом, и хаоса сожаления о невысказанном, не проявленном внимании, о той пустоте, что царила рядом с ней, при всей многолюдности у ее порога – порога журнала «Нана», – среди множества настоящих, добрых и талантливых коллег, друзей... и стольких же недругов, завистников...

Ради прошлого, будущего, я ищу Одно Слово – слово, которое поднимет руку, чтобы подписать резолюцию об издании полного собрания всех ее произведений – романов, стихов, рассказов, эссе, публикаций, писем ... Все остальное – ничто. У нас у всех болит, и долго еще будет Белой Птицей биться в наши окна – память о великой Чеченке Луле Куни.

Зарета МУРТАЗАЛИЕВА,
художник

Лула ЖУМАЛЕВА (1960 – 2019)

ПЛОД ПОЗНАНИЯ

Полог шёлковый тайн земных
Я, в наивной гордыне, отдёрнув,
Лотос белый небес обнажив,
Изошла кровью в зарослях тёрна.

Плод познания горек и рдян.
На закате тяжёлое солнце
Мне подарит последний обман,
Притворившись небесным оконцем.

Сумрак вечера льёт тишину.
Я ещё тепло в сердце надежду,
Что по ночи я к Богу приду,
Что сменю плоти брэнной одежды.

Я хватаю в ночи пустоту.
Холод струпья кровавые студит.
Мой Рассвет свечи Ночи задул,
Кокон выпустил бабочкой душу.

Я ПРИКРОЮСЬ ШИРОКИМ ПЛАТКОМ...

Я прикроюсь широким платком.

О покорности покрывало...
Под тобою я душу скрываю,
За тобою – свечою мерцаю.
Я скрещу свои крылья замком.

Я укроюсь молчанья платком.
В чередѣ замолкающих теней
Замечал ли ты ликів свеченье –
Скорбной памяти тихий укор?

Я закроюсь кровавым платком...

ОДИНОЧЕСТВОМ ПРОШИТА...

Одиночеством прошита,
Забубённостью забита
Мне суждённая судьба –
Кукла – та же голытьба.
Мне тряпичной куклой виснуть
На чужой стене. Но, стиснув
Ниткой рот, сорвусь с гвоздя.
Расшибусь ли – нет, но зря
Праздной тряпкой виснуть – гнусно.
Знаю, вам не будет грустно –
Вы замените меня.
Что вампирам до искусства?
Шарм, блистанье – все безвкусно.
Если нет «кровя».
Шарабанчик обветшавший
Гениальности пропащей
Отроческих лет
Катит, катит в балагане
Жизни – смертоносной драмы...
...Всё – кровавый бред.

.....
Я храню свой шар хрустальный.
Сохраню свой шар хрустальный.
«Хруст» – и нет меня.
Сумасшедший бред Кассандры –
Страх заклятья, горечь амбры –
Чур! – минуй меня.
Минет срок. Вернутся дети.
Крысоловы – те же йети ...
Я вернула долг сполна.

Я ВХОЖУ В СИНЕВУ...

Я вхожу в синеву.
 Эта брэнность земной чешуи – не по мне.
 Под ногами хрустят кости предков – чужих.
 Я вхожу в синеву. Каждый – сам по себе.
 В этом долгом туннеле просвет лишь один.
 Надо мной – подо мной – у меня
     – молча тени шуршат.
 Там – за стенкой – стучат. Пусть стучат.
 Я вхожу в синеву.
 Я дойду. Дотянусь. Доползу. До...
 Я вхожу в пустоту. Пустоту. Пусто.

ТЫ ИДЕШЬ В ИНОЙ МИР...

Ты идёшь в этот мир, малец. Ты знаешь его?
 Вон – над тёплой жилплощадью –
 Кружит в ночи вороньё. Видишь?
 Вон лазурный погост под ничьей пустотой.
 Ветер трубно поёт над чугунным замком.
 Слышишь? Этот смех. Этот плач.
 Слабый писк малых птах над гремящей листвою.
 Отсвет дальних зарниц и молчанье корней.
 Это дерево вряд ли запомнит тебя.
 Вспомнишь?
 Тихий шёпот в ночи. Тонкий вскрик поутру.
 Ненадолго – прозрение полдня. Полно!..
 Канешь, как и все, в пустоту.
 На паденье твоё, как круги по воде,
 Отзовутся годовичные кольца.

ПОМИНАЛЬНАЯ

Благословенным будь, обетованный край.
 Мои отцы к тебе так долго пробирались.
 Пески Аравии песками душ сменялись.
 Железные колодки лет сбивались.
 Шатры надежд ветрами стран срывались.
 .....

Благословенным будь, обетованный край.
 Останки прадедов.
 Остатки птичьих стай.

***

Душа погружается в ближнего душу.
 Стирая черты, растворяется плоть...
 И нега познания горести сушит,
 Медово светясь в шестигранниках сот...

**ПТИЦА В СИНЕЕ НЕБО
ТЕЛО СВОЕ ВОЗНЕСЯ...**

– Птица,
 В синее небо тело своё вознося,
 Ты отдаляешь свои горизонты. Ты знаешь?
 «К синему небу!» Но там – пустота.
 Ближе к твердыне.
 То, что вблизи, не теряешь...

– Верви твои – притяженье земное.
 Вырвись! Сорви
 С крыльев лилейных нити земного удела.
 Души теплы – значит, живы.
 Гибельны крыльям пределы.

– Птичка,
 Малая, глупая птичка.
 Ты очарована мёдом речей непривычных.
 Хмель его быстро из глупой головки твоей испарится.
 Предки твои были птицами – только. Ты – птица.
 Незачем, глупо перьев комочку к холоду высей стремиться...

– Птица! Ты – птица!
 Значит, должна ты радостью крыльев своих насладиться.
 Иначе – незачем было крылатым созданием на Землю проситься.
 .....

–...Что, птичка?
 Что, малая, глупая птичка?
 Дай, я согрею в ладонях тебя, невеличка...
 Глупо, жестоко, грешно
 возлагать на наивных надежды,
 Нежной, неискушённой душе
 гибельно звёзд притяженье.
 ... Птичка. Ах, птичка!
 Славная, глупая птичка...

***

Неумолимые слуги Тельца,
 Скор ваш кровавый суд:
 Старца ли всхрип или вскрик юнца –
 Жертвой на плаху несут...

Прокляты. Прокляты. Метой – смолой
 Мечены ваши следы.
 Кто там пугает нас адской золой?
 Вас ли ждут Рая сады?

Смраден и явен серный ваш дух.
 Клацнут копытца в ночи.
 Но на Рассвете вас точно не ждут...
 Выдадут рыла, хвосты...

***

Ах, синичка, душа золотая...
 Журавлиному клину ответ.
 Ты – одна на весь свет. Что мне стаи
 Мелких дел, нескончаемых бед?..

Ты поёшь за семь вёрст веретённых,
 Забубённая песнь хороша.
 Не загублена, милые, доля,
 Если может так плакать душа.

Не проиграна жизнь. Не изжито
 Всё, чем жили в заветных мирах.
 ...Лишь ослабим вериги литые.
 Только вспомним, что мы не есть прах.

***

Давай подыграем. Вот так – между рёбер.
 Чтоб не зазубрить о кость клинок.
 Холод металла разбавим кровью.
 И – взгляд к горизонту наискосок...

Слух еще ловит твои уверенья,
 Что больше не будет вины и зла,
 Что мы – последние в веренице
 Сменивших собой отпущенья козла –

Жертву во имя, во благо, ради.
 Нам не дослушать твоих речей.
 Певчих трели далекой Аркадии
 Глушит подземный слепой ручей...

Да, подыграем. Памяти ради.
 Чтобы потомкам. Чтобы горел
 Факел Свободы, зовущий к Раю.
 Выжегший тысячи миль и тел...

Факелоносец! Трибун и стоик!
 Радетель достоинств, сакральных идей.
 Слышишь? Туманом доносит стоны
 Наших замученных агнцев – детей...

Тысячи отданных вам на заклятие.
 Тысячи брошенных в адский зев
 Пыток. На откуп зловонным стаям –
 Жажущих крови – двуногих гиен.

Вечным набатом жажды свободы
 Бьются сердца наши в клетках глухих.
 Но чьи зазывалы в болотах нас топят?
 Кто нам торит к горизонтам пути?

Мир на рассвете расслаблен и нежен.
 Спят крысоловы. Но чуток их слух...
 Скорбным обозом скрипят колыбели.
 Матери детям о воле поют...

***

Небо всплывает в окна.
 День расслаблен и тих.
 Мир твой из света соткан.
 Сплетением рек глухих.
 Знаю, споткнусь о преграду –
 В бездну устье реки.
 Горсть моих сонных радуг
 Развеет яростный вихрь.
 ... Мерно пульсирует вена.
 Стынет в русле река.
 Где ты, обещанный берег?
 Скоро ль рассеется мгла?..
 Небо всплывает в окна.
 К молитве зовет муэдзин.
 День завернется дремотно
 В благодать разумных доктрин.

ДОМ

Этот Дом обшарпан, как наши души,
 Невезухой, неверием, маетой.
 Этот Дом устал быть чьей-то заветной сушей,
 Когда эти кто-то – в лужах крови – «ботвой».
 В этих стенах тонут, теряются звуки и ветер.
 Эти стены глушат стоны распятых людей.
 Тебе скажут – война, было нужно – не слушай.
 Мир былого разрушен вязкой ложью идей.
 Этот Дом не стоит кровавых закатов.
 Этот Дом не стоит боли наших детей.
 Дом на кладбище братском.
 Что ты слышишь ночами?
 Отголоски рыданий слепых матерей...

ТЕБЕ

Лишь обрела – теряю. Долгий путь –
 Пунктиром обрываясь – лег меж нами.
 Ты так же ощущаешь пустоту?
 И так же маревом скрываются глазницы?
 И за дугой грудинной мерный стук –
 Отчаянья – рвет веры плащаницу?
 Не знаю, что есть это. Почему
 Так долог поцелуй надежды тайной:
 Холодных уст коснется беспечально
 И упорхнет в пустую синеву.

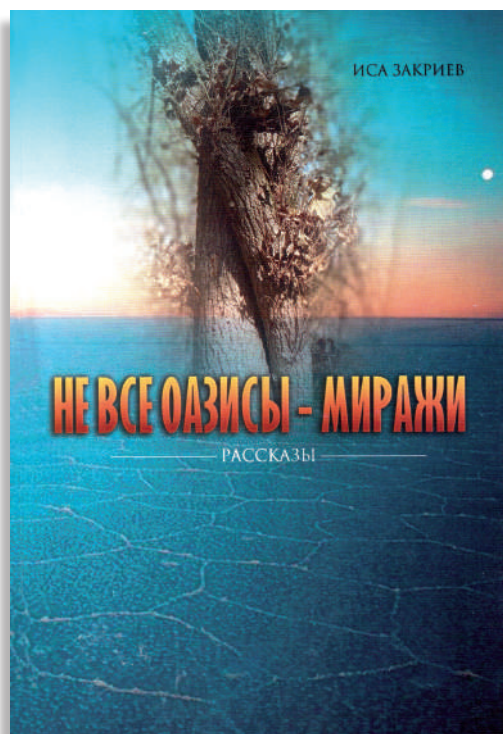
ПТИЦЫ

Тех птиц, что в мир входили с нами, – нет.
 Мир сотню раз за годы обновился.
 А мы – по-прежнему – в хвосте земных комет.
 И перед мертвой совестью винимся...

 Тех птиц, что с нами были, в мире нет.
 С Земли стирает время наши меты.
 Столпы и толпы тонут в волнах Леты.
 Лишь рябью вод отмечился их след...

 Тех птиц, что нам дарили крылья, – больше нет.

Саламбек АЛИЕВ

МИКРОМИРЫ ИСЫ ЗАКРИЕВА

Мудрость гласит: «Все течет – все меняется». Из века в век трансформационным процессам была подвержена и художественная литература. Более того, осмелюсь сказать, что именно художественная словесность в силу свойственной ей «чувствительности» одной из первых реагировала на происходящие в обществе перемены. На смену классицизму приходил сентиментализм, затем романтизм, реализм. С начала XX-го века мир – и в России, и в целом – совсем помешался: Первая мировая война, закат династии Романовых, Гражданская война... На этом фоне, конечно, «помешалась» и литература. Хлынувшая в поток модернизма художественная литература попала в объятия всевозможных «измов»: футуризма, акмеизма, символизма, сюрреализма, натурализма... А затем на долгие десятилетия на всем постсоветском пространстве литература попадает в жесткие лапы соцреализма.

Конец XX-го и последующие затем двадцать лет XXI-го века ознаменовались тем, что люди на планете Земля овладели феноменом под названием Интернет. И пока человечество размышляет над тем, чудо ли Интернет или чудовище, он самый настолько вошел в нашу жизнь, что без него и жизни нет вовсе.

И мы столкнулись с таким явлением как литература, рожденная в Интернете. Да, да, именно в Интернете и сугубо для своей Интернет-аудитории, но последнее несколько не мешает авторам данных текстов, будь то поэзия, проза или публицистика, собрать свое сетевое творчество и издать на бумаге отдельной книгой. Сколько их сегодня, посредством ЖЖ, Фейсбука, Ютуба и других социальных сетей и Интернет-платформ, ставших звездами шоу-бизнеса, журналистики или литературы, трудно даже перечислить. Кстати, сразу надо оговориться, что есть авторы (исполнители), которые изначально заявили себя в мире виртуальном и оттуда шагнули в пространство реальности, а есть авторы, которые давно известны и без Сети, но используют возможности последней не хуже печатного слова: Т. Толстая, Б. Акунин, Е. Гришковец, С. Чупринин и др. К примеру, Татьяна Толстая в 2014 году на основе своих постов в Фейсбуке выпускает сборник рассказов «Легкие миры», у С. Чупринина в 2015 году выходит книга «Вот жизнь моя», у которой есть и второе название, в коем автор раскрывает генеалогию своего сочинения – «Фейсбучный роман».

Бытование в Сети стало чем-то, что напоминает собственную Интернет-гавань. Попытка убежать от действительности, что наблюдается на улице и в телевизоре, зачастую оборачивается в минорную или мажорную ноту письма. Здесь (в Интернете) автор ощущает свободу, которую ему не может предоставить ни одно издательство или редакция – он предоставлен самому себе как в первый день творения.

Магия Интернета, конечно, захватила также многих чеченских авторов. Одним из них является Иса Закриев. Сборник его рассказов «Не все оазисы – миражи», вышедший в 2019 году, всецело перекочевал из его блога в Фейсбуке на бумагу, что само по себе ново в чеченской русскоязычной литературе.

Иса Закриев – заслуженный журналист ЧР, писатель, в недавнем прошлом главный редактор республиканской газеты «Столица+», пишет и на чеченском, и русском языках, автор книги «Луисанна».

Трудно сейчас говорить о природе жанра того, что представил Иса Закриев на читательский суд в своей новой книге. Это сборник миниатюр? Побасенок? Новелл? Зарисовок? Отчасти, наверное, каждое из этих определений применительно к книге Закриева, но с другой стороны... С другой же стороны, это самодостаточные, завершенные истории, в каждой из которых наблюдаются целая палитра художественных «изюминок»: легкая манера письма и непринужденный стиль, кинематографическая четкость и выпуклость, интрига и неожиданная развязка... Особо хочется сказать о двух последних составляющих закриевского текста – острый сюжет является краеугольным камнем его историй. Порой «загадка» автором закладывается в самом названии. К примеру, возьмем рассказ «Камни в почках». Для наглядной иллюстрации нам здесь придется привести дословную цитату половины этого рассказа, и это не займет много времени, так как вся история состоит из трех (!) предложений. Итак, первая часть: «Острая боль примчалась и вонзилась в мозг. Песок заскрежетал в зубах, задев открытый нерв в дупле». И это первая часть, от рассказа остается еще одно предложение, в котором и содержится развязка и ответ на вопрос: «А причем тут камни в почках, когда речь идет о резкой зубной боли?»

Столь же зоркий глаз автора мы наблюдаем во многих других историях: «Плач», «Летящей походкой», «Непрошенная», «Коррупция», «Два гостя», «Первая» и др. Занимательны также и аллегорические приемы, когда у автора оживают и «впадают» в философские рассуждения светофор, дорожный знак, фонарь на столбе, мозоль на ноге, плаха накануне казни. Или как тонко и проникновенно закручивается человеческая драма в рассказах «Сон», «Голос», «Мужество», «Последний путь», «В ссылку».

В больших романских полотнах создаются громоздкие художественные миры, где переплетаются жизни и судьбы огромного количества людей. Художественные микромиры Исы Закриева хоть и не растянуты во времени и пространстве, как это принято в больших литературных жанрах, но время и пространство в них все же присутствуют, только все это максимально сжато, как того требует и авторская манера письма, и законы нового жанра.

Иса ЗАКРИЕВ

МОГУ СКАЗАТЬ

Я, конечно, не Форрест Гамп, но кое-что интересное могу о себе рассказать. Везучий я или упертый? Постараемся разобраться. Первое серьезное испытание меня постигло в шестом классе. Я соорудил под навесом типа спортивных колец, и первое же упражнение привело к травме – я сломал локоть. Боль была страшная, я потерял сознание. Отвезли в больницу, наложили гипс, ходил с ним месяц. А когда гипс сняли, врач сообщил, что рука так и останется полусогнутой, локтевой сустав в полной мере работать не будет. «Ты не первый с такой рукой, живи, но о спорте придется забыть», – сказали мне. Но я заставил руку заработать. Неустанно разминал ее, привязывал веревкой кисть к кровати и тянул, плакал и тянул, распрямляя руку. Через несколько месяцев сустав работал вполне сносно.

Окончив школу, я поступил на факультет

физической культуры и окончил его по специальности «спортивная гимнастика». Кольца я поборол все-таки...

После института поступил на службу в Линейный отдел на железнодорожном транспорте на станции Грозный. На очередном дежурстве решил проверить пломбу люка цистерны с ГСМ, забыв, что она стоит под контактным электрическим проводом. В результате получил удар электродугой напряжением в 27500 вольт. Получил ожоги 68% тела, потерял зрение. Пролежал в больнице три месяца. Врач с первого дня поступления считал меня нерентабельным. Но я выжил, хотя зрение практически потерял.

Через два месяца я встал на ноги, которым не сложно было меня нести, похудевшего с 70 до 52 кг. Как-то я вышел в полутемный коридор и пошел, держась рукой за стену, к выходу, на свет. Через пару шагов я угодил большим пальцем в оголенный провод розетки. Снова ударило током, но без особых последствий. Сбежались врачи, медсестры, больные и, увидев, что я живой, начали смеяться: «что тебе 220 вольт?». Смеялся с ними и я...

Выписался из больницы через месяц после этого случая. На меня смотрели с жалостью. Никто не думал, что я смогу создать полноценную ячейку общества. Найти девушку, которая согласится выйти за меня, оказалось делом нелегким – прошли времена, когда я был «завидным...». Но чему быть, того не миновать. Теперь у меня пятеро детей и двое внуков.

В 2003 году, через десять лет после моего ранения, появилась технология лечения незрелой катаракты, и благодаря операции по

замене хрусталиков мое зрение улучшилось.

В двух войнах мне удалось выжить вместе с семьей, что тоже можно отнести к везению, хотя понятно, что все это Милость Аллаха.

В 2003 году устроился на работу. Стал госслужащим. Занимал довольно высокие посты, получил второе высшее журналистское образование, написал много статей, рассказов, сказок...

В августе 2015 года мне дома сделали укол антибиотика, простыл чуть. Но он вызвал аллергию, хотя колот это лекарство не в первый раз. У меня случился анафилактический шок. После такого выживают не все. Я успел выйти из дома и упасть на лестнице. В глазах потемнело, помню свою последнюю мысль: «Вот оно, как, оказывается, бывает, когда умираешь. Пока не так страшно...». До больницы 12 км. Благо не новая, но надежная «Камри» домчала за пять с половиной минут. В приемной мне ставили капельницы, уколы, мерили давление. А мне хотелось спать, страшно чесалось все тело, меня рвало. Вскоре вызвали реаниматологов – пульс исчез, давление было 40х10. Надо было поднимать на второй этаж в реанимационное отделение. Закатили каталку со мной в грузовой лифт, поднялись. Мы вышли из лифта и не успели закрыть дверь, как в больнице погас свет – задержись мы в лифте на 5 секунд, застряли бы. Дама «с косой» опять промахнулась. Электричество подали только через три часа. Врачи боролись за меня при свечах и фонариках. «Капали» в обе руки. Всю ночь. Около 20 капельниц. Снова Аллах оставил мне жизнь. Хвала Ему!

А недавно при обследовании щитовидной железы врачи заподозрили наличие туберкулезной палочки. Правда, при дифферен-

цированном исследовании биоматериалов подозрение не подтвердилось. Но суть в другом. За всю фиксируемую историю здравоохранения зарегистрировано всего 186 случаев туберкулеза щитовидной железы. Представляете, я мог стать 187. Среди 7 млрд человек стать 187!!! Вряд ли в денежной лотерее мне так повезло бы!

К чему я все это рассказываю? Не знаю... Хочу сказать, что вера помогает человеку. Вера и терпение. Если человек не будет тратить свою драгоценную жизненную энергию на осуждение и обсуждение других людей, их характера, поступков, и направит эту силу внутрь себя, использует ее для достижения цели, у него получится все...

«ЛЕТЯЩЕЙ ПОХОДКОЙ»

По тротуару, слегка покачивая бедрами, она шла, привлекая всеобщее внимание. Старики одобрительно цокали, старухи тыфкали, «чтобы не сглазить», молодухи завистливо фыркали. А она шла, с достоинством переставляя ноги, томно опуская и поднимая длинные роскошные ресницы. Даже жвачка во рту придавала ее облику неповторимый шарм. Зорька гордо несла домой четырнадцать литров свежего молока.

НЕПРОШЕНАЯ

И зачем ты мне была нужна? Неужели мало на свете людей, чьи поступки и действия вызывают чувство омерзения? Разве не они зря топчут землю своими бестолковыми ногами? Ходят

там, где не просят, и наступают, порой безболезненно для себя, на самые нежные и тонкие лепестки человеческой души. Сколько троп они натоптали, сколько мин после себя оставили...

А ты, колючка, выбрала меня, бедного учителя географии, и вонзилась именно в мою пятку!..

ОТКРЫТИЕ

Она стояла в музее с недописанным письмом – признанием в любви, полным нежности и печали. «Вряд ли человечество придумало слова, способные выразить мою любовь к тебе, да и буквы не выстояли бы».

Может, так?...

«Мои мысли и мечты о тебе не прерывает даже сон – ты в моих снах.

Ты в моем утреннем пробуждении – глоток родниковой воды, что освежает и заставляет улыбаться. Просыпаюсь, и вчерашние мысли продолжают весело бегать с сачками в руках и ловить бабочек внутри меня. Обсуждая то, что со мной было во сне, они говорят о своих подругах – мыслях во сне. Ты знаешь, я дышу этими мыслями, не будет их – и остановится кровь во мне, перестанет подниматься и опускаться грудь, и только сердце будет надрываться, пытаюсь запустить организм.

Сердце не хочет замирать, оно ожило совсем недавно, когда мы встретились, увидело мир, приняло счастье как подарок судьбы и не хочет закрываться. Оно, как редкий цветок, цветущий...».

Печатная машинка не теряла надежду, она вернется и допечатает письмо на пожелтевшей бумаге.

ОТКРЫТИЕ (2)

Мужчина и женщина интеллигентного вида были красивы. Время забрало у них годы, но не смогло избородить лица, потушить взгляд, подавить веру в прекрасное. Женщина гордо шла слева от супруга, на полшага позади своего рыцаря-защитника. На ее лице отражались уверенность, спокойствие, словно эмоции были скопированы с лица мужчины.

Они медленно шли, тихо переговариваясь и наслаждаясь великолепием вокруг.

Вдруг мужчина остановился, его взгляд упал на старую пишущую машинку.

– Ты когда-то часто пользовалась таким аппаратом. Ночи напролет шелкала пальцами по клавишам, тесня на бумаге очередной газетный шедевр, – с улыбкой сказал он.

– Да. Но главный мой шедевр остался незаконченным, – женщина всегда была сдержанной, ее с детства учили контролировать эмоции. – Интересно, какой же? Секунду... Эта машинка мне кажется знакомой. Подожди, посмотрю, что написано на бумаге.

Мужчина надел очки. Начал читать: «Вряд ли человечество придумало слова, способные выразить мою любовь к тебе. Может, так?..».

– М-да, великие чувства описывает девушка, – проговорил он, прочитав признание. Снова взглядевшись в машинку, мужчина заметил инициалы... знакомые инициалы.

– Это же твоя машинка! Что она делает в музее?! – спокойствие на его лице сменилось смятением.

– Она здесь уже двенадцать лет. Я нашла ее в разбитой войной квартире. Сама не знаю, как она уцелела. Сдала в музей, но не сказала, что письмо мое. Рада, что ты все-таки прочитал

его... Думаю, нет необходимости дописывать, и так все понятно.

Он слушал и смотрел на нее с безграничной нежностью и любовью.

– Твой шедевр дописан... Спасибо.

ТАЙНА

В дверь робко и незнакомо постучали.

«Можно войти?», – пожилой мужчина просунул голову в очках и шляпе в дверь.

«Да, конечно, входите, добрый день», – молодая женщина встала с кресла и указала на стул, приглашая сесть.

«Я, собственно говоря, – в советской манере начал гость, – хотел доверить Вам небольшую тайну. Она, конечно, Вас не удивит, скорее всего, для Вас это и не секрет вовсе, но я много лет ношу ее тяжелым грузом. До сих пор не решался никому рассказать, вдруг засмеют, а я уже, сами понимаете, немолодой».

Он достал из кармана скомканный носовой платок и вытер вспотевшее лицо.

«Вы не волнуйтесь, я умею хранить тайны, это моя работа», – подбодрила его женщина. Мужчина оглянулся, полез во внутренний карман плаща, достал сложенную вдвое ученическую тетрадь со своими стихами и протянул ее главному редактору литературного журнала.

УВАЙС

Раненого мужчину на каталке везли по шумному коридору травматологического отделения в процедурную. На вид ему было лет шестьдесят, крупное телосложение говорило о

недюжинной силе, а грязная одежда и заросшее лицо – о передрыге, в которую он попал. Вдруг мужчина пошевелил здоровой рукой и похлопал широкой ладонью по карману рубашки на левой стороне груди, вскинул глаза на встревоженного сына, идущего рядом, и строго спросил:

– Где мой паспорт?

– У меня, не беспокойся, – ответил тот, словно обращался к маленькому ребенку.

– Дай мне его!

– Зачем?..

– Положи мой паспорт вот в этот карман! – повышая голос, отец пальцем указал на рубашку. Парень выполнил его указание.

Когда мужчину завезли в процедурную, санитарка, с удивлением наблюдавшая за картиной, не выдержала:

– Зачем ему понадобился паспорт?

– Он провел две недели в подвале с осколком в руке, под бомбами. Его часто вытаскивали на свет и спрашивали документы. Не расстреливали только потому, что в паспорте имелась местная прописка...

Отца звали Увайс...

КАК ВЫ?

Калитка, вопреки ожиданию, не скрипнула. Ах, да, зимой она не скрипит, зимы у нас обычно сырые, редко со снегом.

Здесь тихо, кажется, что даже гул проезжающих машин не проходит через решетчатую ограду.

Могильные холмы разные: большие, маленькие, ухоженные, заброшенные.

Дедушка рядом с бабушкой. Они любили мои шалости и все прощали.

Тетя. У нее не было детей, и нас она любила, как своих. Дядя. Он ушел в возрасте, но ему было меньше, чем мне сейчас.

Отец. Ком в горле опять...

Я желаю им милости Аллаха каждому. Двоюродная сестра, ей было всего двадцать три года, а мне тогда – двенадцать. У ее холма в который раз машинально спрашиваю: «Как вы?..»

Она была на восьмом месяце...

ТИШИНА, ТОСКА

Часто ей бывает скучно, надоедает всех пугать и заставлять вздрагивать. Порой даже животные обходят ее стороной, словно боятся, что заманит в плен и погубит.

И только ветер, единственный и верный друг, захаживает к ней, весело пробегая рядом. Уносит затхлость, оставляя вместо нее немного свежести.

После ветра робко, без стука входит тишина, садится, тихо сидит и дремлет, пока возвращающийся ветер не разбудит. Тишина спросонья вскакивает, непонимающе озирается по сторонам и скрипит, шуршит, свистит...

А ей хоть какое-то разнообразие. Ведь к ней редко кто заходит. Немногие решаются заглянуть в Лесную Глушь. Разве что кабан, который ведет себя как свинья, купаясь в мутной луже на ее задворках.

НА ПОСТУ

Рано утром, взяв воду в стеклянной бутылке, кукурузный хлеб, сыр, я вышел из дома и отправился в дорогу. К счастью, все село спало, только петухи кукарекали в курятниках, и ко-

ровы просили их повторить на «бис», надеясь быстрее отцедить молоко хозяйке и уйти на пастбище. Я вышел на окраину, прошел зеленый луг и вошел в прохладный лес. Капюшон куртки оказался кстати. Под ногами лежал толстый ковер бурых листьев на гумусной подушке. В закрытый ствол дикой груши стучался дятел, сорока недовольно тараторила, но никто не обращал на нее внимания.

Птицы раздавали утренний музыкальный моцион качающемуся на легком ветру лесу. Алыча благоухала майским цветом. Осторожно обходя серебристый хвост вертолетной ракеты, торчащей из земли, выхожу на знакомую поляну, обрамленную деревьями дикой яблони, кизила, алычи и груши. Солнце уже заглянуло сюда. Постелив одеяло на траву, сажусь, чтобы насладиться едой, сдобренной вкуснейшим воздухом. У меня нет с собой телефона. Я слушаю живую музыку лесного оркестра: птиц, листвы, кузнечиков, жуков, ветра. Она «выветривает» из головы город, работу, автогам, автохамов, глупцов с минами мудрецов. Легкие выметают из себя запах асфальта и компьютера, руки, принявшие форму мобильного телефона, нежно стряхивают муравья с хлеба. Весь день я лежу на травке, как страж первозданности, и выпитываю в себя отсутствие общения. У меня сегодня одиночный пост молчания, и поэтому вечернее общение с цивилизацией не будет утомительным, скорее – приятным.

НЕ БРОСАЙ МЕНЯ

Железная калитка со скрипом закрылась за спиной, щелкнув задвижкой. Девочка вздрогнула, словно холодная сталь коснулась ее дро-

жащего тела. Она обернулась, мама осталась за решеткой калитки, она уже быстрым шагом уходила в желтую аллею осени. Девочка хотела окликнуть маму, попросить не бросать, сжалиться, но ее остановила мягкая властная рука тети, стоявшей рядом. Полные слез, синие глаза девочки стали как бескрайнее море.

«Не волнуйся, мама придет за тобой вечером», – обняла ее воспитатель детского сада.

БЛАГОДАТЬ

Он упорно ждал ее долгое время, несколько лет. Зимой смотрел в окно, весной выходил на улицу, садился на лавку у ворот и ждал, вглядываясь вдаль. Все мысли, мечты, чаяния и надежды пожилой уставший мужчина связывал именно с ней. Вскоре он понял, почему она не пришла – началась война, его дом погиб. Она знала...

Через три года кое-как построили новый. Старик, седой и морщинистый, снова втайне верил и ждал, что она появится, и он сможет спокойно вздохнуть. А ее все не было, его охватывала тревога, и не зря – снова началась война, вторая... Строить дом третий раз у старика не оставалось сил, хотя дети, родственники не оставили его на улице. Дом снова отстроили. Человек без дома – человек без слова... Когда строился дом, старику показалось, что она появилась, или его обмануло слабое зрение, он не был уверен, но его сердце забило, как молодая птица. «Как бы хотелось ее увидеть перед смертью...»

И как-то ранней весной, утром она появилась. Села на ветку полуобгоревшей груши под окном и посмотрела на него, повернув голову набок.

«Наконец-то благодать вернулась. Благодарю Тебя, Создатель», – старик улыбнулся и впервые за много лет уснул сном младенца под райскую песню ласточки.

ЕЩЕ ОДИН ШАНС

«Жизнь, я очень люблю тебя. Больше всего на свете. Не покидай меня, дай мне еще один шанс. Буду ценить тебя, каждое мгновение беречь, благодарить Бога за каждую секунду. Пронесись хотя бы в последний раз перед глазами».

Фары встречного автомобиля неслись в лоб...

БРЕШЬ В БРОНЕ

Владелец фирмы по строительству дорог сел в машину, за ним захлопнули тяжелую бронированную дверь лимузина. Седовласый мужчина средних лет посмотрел сквозь толстое стекло на своего высокого узколобого телохранителя – и почувствовал себя как за каменной стеной. Удачная сделка укрепила уверенность в себе, а то, что цыганка в молодости нагадала смерть в собственной крепости – это предрассудки, хотя и взрастили они в нем фобию – боязнь замков и крупных особняков. Поэтому он жил в скромном доме и не принимал у себя гостей. Мужчина приказал водителю ехать в любимый ресторан, он поднял стекло и остался в салоне один. Включил Моцарта, выпил виски, взял вишню и положил ее в рот. Тут колесо машины резко «рухнуло» в выбоину, бизнесмена дернуло на кожаном сиденье, и он завалился набок. Косточка застряла в горле, мужчина еле дополз до разделительного бронированного стекла и начал бить в него ку-

лаком. Но водитель и охранник были увлечены обсуждением работы дорожников, да и громкая музыка заглушала кулачные мольбы задыхающегося миллионера.

КАМНИ В ПОЧКАХ

Острая боль примчалась и вонзилась в мозг. Песок заскрежетал в зубах, задев открытый нерв в дупле. «Бедное животное», – произнес он, выплевывая кусочек жареной говья-жьей почки.

НЕ ТОРОПИТЕСЬ С ВЫВОДАМИ

Я подошел к стеклянной двери автомагазина – нужны были тормозные колодки для машины. Под надписью «Говори благое или молчи» трафаретом отпечатан номер телефона продавца. Набираю, рассчитывая, что он где-то рядом. Парень говорит, что будет через десять минут. Я благодарю его, выключаю связь и думаю: «Десять минут можно смело умножать на пять, значит – минимум час». Но не успеваю я отъехать, как продавец перезванивает, мне становится стыдно за свои мысли о его непунктуальности. «Я буду через двадцать минут, пообедаю», – говорит он мне.

НЕ ПЕЧАЛЬСЯ

Это знойное лето запомнится всем: и вялым крыльям мух, бьющимся вхолостую в липком воздухе, и травинке, обманутой мягкостью асфальта и вышедшей на солнцепек, и реке, собравшей в центре русла остатки воды, и уставшему старцу, чья душа металась в откры-

том поле, оно запомнится гулом ненавистного кондиционера.

Согбенный старик, хватая раскаленный воздух открытым ртом, шел по полю вдоль высохшего арыка. Он приходил каждое утро, хотя понимал, что ничем не может ей помочь, разве что виновато высказать сочувствие.

Видя его скорбную печаль, виноградная лоза пыталась приободриться под его шершавой рукой и передать старику, владельцу виноградников, свою веру в дождь, и еще глубже пускала корни в поисках воды.

СОН

Он проснулся с большим трудом, словно сон был связан, будто грудную клетку заточили в железную клетку. Дыхание, закованное в булатные латы, билось, как птичка в силках не в силах вырваться. Ресницы на веках связались в узелки, и глаза не открывались. Он метался в постели, пытаясь вырваться из пут кошмарного сна и выбежать из него. Когда семидесятилетний старик все-таки освободился, он тяжело сел на кровати, подогнув ноги и положив голову на колени, горько заплакал. Слезы текли по каналам морщин. Ему снова снилось, что мама умерла.

ПЛАЧ

Уже ночь, а она опять так жалобно заныла, распугав дремлющую тишину, что весь сон отбила. Ее плач похож на крик о помощи маленького котенка, оставшегося без молока матери. «Завтра обязательно сам смажу ее – петлю соседской калитки...»

ПОКОЙ ВАЖНЕЕ

«Возможно, у меня будут проблемы. Нет! Их точно не избежать. Объявится куча родственников, криминал подтянется и потребует «свою» долю, участковый будет интересоваться состоянием моего кошелька и предлагать защиту. Представители различных органов и организаций нахлынут, домогаясь и советуя, не говоря об аферистах и прочих авантюристах. А сколько больных, неимущих, нуждающихся в моей помощи будут умолять. И прощай, спокойная жизнь. Ну уж нет», – неприметного вида мужчина в очках и серой рубашке с коротким рукавом положил лотерейный билет обратно и отошел от киоска.

КОРРУПЦИЯ

Пеструшка была хорошей коровой: паслась на тучных альпийских лугах, давала много жирного экологически чистого молока, рожала породистых телят. Доить бы да доить... Но случилась беда. На нее напали клещи. Они впилась в тело бедняжки и высасывали кровь. Клещей становилось все больше – и количеством и размером. Пеструшка старалась – ела больше травы, но все равно худела, сил и молока становилось меньше. В конце концов, высасываемая кровь превысила критический порог, и обескровленная Пеструшка погибла.

ОНА НЕ ВЕРНЕТСЯ

«...Простишь ли ты меня? Я на протяжении многих лет относился к тебе с легкостью, уверенный, что не уйдешь от меня. А ты отдавала мне все, всю себя без остатка. Благодаря тебе у меня

были радость, счастье, хорошее настроение, отдых. Ты не ревновала к друзьям, молча восстанавливала мои силы за ночь и провожала утром, даже иногда сопровождала меня. Я празднично проводил время, не думал о том, будешь ты скучать или нет, не жалел совсем, не думал, что ты уйдешь от меня к другому. Но ты неожиданно ушла, устав от меня, и мне осталось только горевать по тебе, вспоминать и просить прощения. Ты сказала, что простила, но не вернешься никогда. Очень жаль, что молодость не возвращается».

ДВА ГОСТЯ

Когда гость вошел в дом в грязной обуви, весь промокший и уставший, они насторожились и с любопытством стали наблюдать за эмоциями и действиями хозяев. А те с удивительным радушием, заботой и улыбкой на лице обхаживали визитера. Женщина приняла мокрую одежду гостя, поставила обувь сушиться, хозяин дома пригласил его на почетное место и усадил поближе к теплой печи. Пока он спрашивал, из каких краев и как там живут люди, жена поставила перед ними горячий чай, творог со сливками и домашние лепешки, уверив, что мясо уже варится. Тот рассказал, что приехал к своему другу, но дождь и вечер помешали ему найти дорогу к дому друга.

– Он живет на другом конце села, если это несрочное дело, то я бы попросил тебя переночевать у меня. Зачем нам снова выходить в дождь? – с улыбкой ответил хозяин дома, хотя человек, о ком шла речь, жил через два дома.

– Ничего особо срочного, но не хотелось бы вас стеснять..., – положил руку на сердце гость.

– Об этом тебе стоит беспокоиться мень-

ше всего, – обрадовался хозяин.

Они разговаривали до глубокой ночи. Потом, оставив гостя отдыхать, мужчина ушел в другую комнату. Но ОНИ не спали, с опаской озираясь кругом, наблюдали за гостем и хозяевами. К утру дождь перестал лить, выглянуло солнце. Гость собрался, поблагодарил за гостеприимство и вышел. За ним пришлось выйти и им – беде и несчастьем, всю ночь страдавшим от гостеприимства.

МУЖЕСТВО (из жизни)

Он открыл дверь и уже готов был выпрыгнуть, но внезапно перед ним встала картина, в которой отчетливо видны дети-сироты, плачущие жены, поникшие родители, немой укор соседей и эти крики, стоящие в ушах до самой смерти. Также быстро «чиркнули» по сознанию образы собственных родителей, братьев, жены, детей, дочери трех лет...

Водитель рейсового автобуса захлопнул водительскую дверь ПАЗика, срывающегося в пропасть.

ГОЛОС

Это был очень странный голос, неземной, больше похожий на далекий приглушенный стон. Его слышали птицы, звери, насекомые – все живое, кроме человека. Они слышали и с удивлением смотрели на немолодого человека с тусклым взглядом, одиноко сидящего на лавке под окном своего скромного дома. Три дня назад он похоронил престарелую мать, и теперь пере-

живал новое чувство – сиротливость. А голос все твердил: «Ушел человек, любивший тебя больше всего на свете...». Уши не слышали, но сердце стонало в такт голосу.

ОПЕКА

Сначала я воспринимал это с интересом, потом – терпеливо. Но со временем это меня начало раздражать: забота о моих глазах – он регулирует свет, подсказывает мне слова, хранит всю информацию в своей памяти, освобождая мой мозг от необходимости работать и развиваться. И зачем мне мозг в таком случае? Он считает мои шаги, следит за пульсом, будит по утрам, заставляет меня судорожно искать его, если вдруг выпадет из поля зрения. Я жить не могу без него! Даже мама так не опекала меня в детстве, как сейчас это делает мой телефон.

УШЕДШИЙ В ПРОШЛОЕ

Ожидание длилось год. Он порядком устал – много чего пришлось увидеть и пережить за эти 365 дней. Его ругали, винули во всех бедах, желали ему поскорее уйти и не возвращаться никогда. Он молча слушал, тоскливо переживал все обиды внутри себя, продолжая честно служить. Были и хорошие моменты: слова благодарности, встречи, произошедшие благодаря ему, появились новые люди, ушли старые. Он тяжело встал, взгляделся в восточную даль и, заметив молодую смену, 2018 год со словами «вы еще будете скучать по мне», зашагал на запад, в прошлое, в историю, в память...

Лариса БАДАЕВА

Родная кровь

/Роман/

1

Горное село Шатойского района ЧР.
2016 год.

Утро. Ярко светит летнее солнце. После ночного дождя природа очистилась, еще больше похорошела, заблагоухала свежестью трав и цветов. Живет село своей обычной неторопливой, размеренной жизнью: где-то мычат коровы, шумят куры, испугнутые чьей-то кошкой, то и дело сигналият проезжающие мимо машины, и непонятно, кому адресуются эти сигналы – зазевавшимся прохожим, встречным лихачам или стройным девушкам, идущим по аккуратным улицам заново выстроенного села. Стайки школьников энергично о чем-то говорят, размахивают руками, доказывают, объясняют – это выпускники возвращаются с экзаменов. Немало людей и возле великолепного, выстроенного на совесть, здания администрации, далее, в нескольких домах от него – почта, магазинчики, амбулатория – в общем, все как полагается для небольшого села. Люди здесь добродушны, улыбки, щедры и гостеприимны. И никакие войны не изменили, не нарушили, не уничтожили веками заложенные обычаи и законы горцев – возможно, в том и кроется сила и даже некоторая тайна горцев, позволяющая им выживать в экстремальных условиях и оставаться самими собой, сохранять честь, достоинство, взаимоуважение, традиции гостеприимства, родственные отношения. Все это дорого, значимо, ценно. Выше нет ничего. Дом для горца – это не стены, не закрома, а прежде всего, его

земля, его семья, его очаг.

Такие они, эти чеченцы-горцы. Такими были и двести и сто лет назад. Такими остаются и ныне, в веке XXI-м. Степенны в своих речах убеленные сединами старейшины села. Нетороплив их разговор, обдуманно слова, а глаза всегда глядят прямо на собеседника, открыто и честно. Им нечего таить. Они многое видели, многое познали, многое поняли. Они не спешат.

Вот и сейчас ведут свой неторопливый разговор у ограды здания администрации, делятся новостями, вспоминают былое, сравнивают с настоящим и, самое удивительное, еще не перестают думать о будущем.

Не менее оживленно и в стороне от центра. Где-то играют и носятся ребятишки. Куда-то по своим делам спешат женщины с пакетами, сумками. Молодые мужчины в основном все на работе – кто в городе, кто в хозяйстве, кто еще где-то. На улицах их почти не видно. Редко кто из них появляется, и то по делу, перекинется с кем-то из прохожих парой фраз и исчезает в глубинах двора.

А солнце все разливается светом и жаром по селу да по окрестным склонам, скоро совсем разморит своим зноем, и люди попрячутся в домах, чтобы переждать в прохладе душевные часы.

Вот идет по улицам почтальонша – бойкая женщина средних лет, – разносит почту, пенсию по домам для тех, кто самостоятельно уже не может ходить, и не только принесет, но и словом добрым перемолвится, подбодрит улыбкой, пожелает здоровья, глядишь, пенсионерам и впрямь полегчает, появится надежда – еще повоюем!

Любят ее односельчане, часто зовут в дом отдохнуть, чаю в тенечке попить:

– Зайди, Зарган, – просят одни. – У нас чай свежий.

– К нам иди, Зарган. – приглашают другие – У нас прохладной воды попьешь, новостями нас побалуешь.

Смеется Зарган, отказывается.

– Ой, да что вы! – отмахивается она. – Спасибо, но не могу. Еще вон скольких нужно обслужить, тогда, возможно, и зайду.

И продолжает свой путь. Обходит знакомые дворы, сворачивает налево, а там длинный забор с массивными железными воротами. Постучалась. Через минуту вышла хозяйка дома Хадижат. Она высокая, дородная, и голос у нее зычный, властный, сразу видно, что женщина с крутым нравом и принципами. Однако, увидев Зарган, улыбнулась приветливо:

– Надеюсь, с хорошим пришла ты к нам, Зарган?

– И я надеюсь, что хорошие вести вам принесла.

Хадижат насторожилась: вроде, неоткуда ей вестей ждать – все родные дома, в Чечне.

– Какие вести, Зарган? Не понимаю я...

– Поймешь сейчас, – Зарган залезла в сумку, вытащила заказное письмо. – Вот, письмо твоему хозяину пришло, из самой Москвы. Дай Аллах, чтобы только хорошее содержалось в этом письме, – от всего сердца пожелала почтальонша, передавая конверт Хадижат.

– Баркалла, – тронутая словами Зарган, так же горячо ответила Хадижат, и уже поспешно, запоздало: – Заходи, отдохнешь, чаю попей, у меня все собрано на столе.

Зарган поблагодарила, но в дом не зашла, спросила, правда, про хозяина – Алдама.

– Да все в своей поре: то кряхтит, то охает, то на нас покрикивает.

– Алхамдулиллах! – проговорила Зарган. – И

на этом хвала Всевышнему! Столько смертей кругом, сердце плакать не перестает, война проклятая скольких людей положила, а теперь вот последствия ее на остальных сказываются. Дня не проходит, чтобы кого-то не похоронили в нашем селе. Когда такое было?! Помню, маленькой была, помрет какой-нибудь старик или старуха, так месяц разговоров было, что об их похоронах. А теперь на смерть стариков никто и не реагирует, тут молодые, с виду такие здоровые, уходят, как вода, в никуда. О Аллах, что за времена пришли?! Говорили же: придет время, когда станем мертвым завидовать. Вот и настало.

– Не надо так уж преувеличивать, Зарган, – возразила чуть громче обычного Хадижат. – У тебя все здоровы, радуйся, благодари Всевышнего. А мертвым чего завидовать? Смерть никого стороной не обойдет. У всех она впереди. Потому не стоит ее раньше времени кликать.

– И то правда. Да только в сердцах чего не скажешь?! – согласилась Зарган, чувствуя неловкость, что коснулась больной темы. Попрощалась скоро, да и пошла дальше по своим делам.

А Хадижат, вернувшись к себе во двор, вдруг застыла, точно в землю вкопанная, долго всматривалась в конверт, теребя его пальцами. Смутное чувство не то тревоги, не то страха, не то еще чего-то овладевало с каждой секундой все более и более. «Дай Аллах, чтоб было ты доброе!» – шептала женщина, подымаясь уже по ступеням красивого, кованного железом, обделанного дорогой плиткой крыльца. Остановилась, все еще не решаясь направиться в ту из комнат, где находился муж, страшилась вручить ему письмо. Однако тот сам ее кликнул из глубины:

– Ты где там, слышишь меня? Куда пропала?

Хадижат, поняв, что отступить поздно, да и бессмысленно, через комнату прошла к мужу.

Тот сидел у окна, на покрытых толстыми коврами деревянных нарах, и, обложившись мягкими подушками, смотрел в окно сквозь прозрачную паутинку занавесок. Алдаму недавно перевалило за семьдесят лет. Он сухощав, невысок ростом. На бледном лице отчетливо выделяются глаза, блестящие голубоватым светом, чуть тронутые румянцем щеки чисто выбриты, и только на подбородке небольшая рыжевато-седая борода. Одет Алдам в национальную рубашку с наглухо застегнутыми пуговицами и в такие же серые штаны. Несмотря на жару, на ногах толстые шерстяные носки. В руках небольшие перламутровые четки. В самой комнате прохладно, чисто и уютно. На стенах – картины с видами на священную Каабу, а то и просто с золотой арабской вязью. В углу два массивных кресла, напротив – полированный шкаф с зеркалом. Вот и вся обстановка. Остальные помещения дома выглядели гораздо богаче и современнее, и лишь в этой комнате все просто и скромно. Сколько раз пыталась Хадижат разобрать старые нары и поставить новую мебель – бесполезно. Хозяин был непреклонен. «На нарах родился, на них же и умру!» – заявлял он. Спорить не имело смысла.

– Чего так долго? – спросил Алдам входящую жену. Та была ровно на десять лет моложе его, но рядом с ним, невысоким и шуплым, здоровая, мощная от природы Хадижат казалась старше своих лет.

– Зарган-почтальонша приходила, – начала издалека Хадижат. – Поговорили мы с нею о том, о сем, о тебе она спрашивала, здоровьем твоим интересовалась, маршалла передала.

– И ей маршалла, – ответил, кивая в знак одобрения, старик, потом спросил нетерпеливо: – А чего приходила-то? Ведь неспроста в такую жару к нам притопала.

– Ты прав, неспроста...

– Да ты не юли, старая! – аж подпрыгнул,

вконец потеряв терпение, Алдам. – Говори, с чем та пожаловала?

Хадижат протянула письмо,

– Вот с этим и пожаловала. Сказала, из самой Москвы.

Она передала конверт мужу, а сама опустилась в кресло.

– Ох, неспроста все это, чует мое сердце, неспроста!

Старик молчал, мял письмо в руках, косясь на жену. Никогда он ее такой не видел. Сдержанная, жесткая, даже в трагические дни войны не терявшая присутствия духа, жена вдруг так растревожилась, обмякла, с лица спала.

«Надо же», – покачал головой старик, но виду не подал. Осторожно раскрыл конверт, вытащил сложенный вдвое тетрадный лист.

– Ну, узнаем теперь, что в нем, – произнес, обращаясь не то к жене, не то к себе, и расправил послание. Достав из нагрудного кармана очки, нацепив их на нос, принялся читать. Читал глазами. Хотел, видимо, весь негатив, если там таковой имеется, пропустить через себя, а потом только донести его в деликатной форме жене. «Вон как сидит, вся напуганная!» – еще раз покосился Алдам на нее, приступая к чтению. Жена сидела притихшая, точно придавленная грузом, и ждала... Висевшие над ее головой настенные часы мерно тикали – тик-так, тик-так. Хадижат, никогда не обращавшей внимания на эти «тик-так», теперь казалось, что они пробивают ей череп. Она всматривалась в лицо мужа, пытаясь угадать по его выражению, что в письме.

Но вот напряженные губы старика расслабились, лицо несколько оживилось, в уголках глаз выступили вначале удивление, затем смешинки. Пару раз старик громко хмыкнул, разок ругнулся по-чеченски, затем присмирел, отдышался, оторвал взгляд от листка.

– Ийт-я1! – воскликнул он, уже окончательно успокоившись.

Хадижат нервно вскрикнула:

– Ну, что там? Не томи, рассказывай.

Старик усмехнулся:

– Читать умеешь? Вот и читай сама! – он передал письмо жене.

Откуда-то со двора доносились шум и визг внуков. На них сердито покрикивала младшая сноха Седа, возившаяся под широким навесом, отделанным деревом, плиткой, витражами – все по последней моде. В хозяйстве чувствовались достаток, забота и порядок.

Хадижат, еле разбирая чужой незнакомый почерк, начала читать:

«Здравствуйте, уважаемый Алдам, извините, не знаю вашего отчества. Пишет Вам Нина Орлова. Не уверена, что слышали обо мне, но догадываюсь, что, скорее, вам мое имя ничего не говорит. В 1998 году у нас, в Москве, я познакомилась с вашим сыном Сайханом...»

Здесь Хадижат охнула и разрыдалась:

– Я чувствовала, я чувствовала! – запричитала она сквозь слезы. – Сердцем чувствовала!

– Ну, хватит! – нарочито грубым голосом прервал ее плач Алдам. – Читай дальше!

– Хорошо, хорошо, – послушно закивала Хадижат и, поискав глазами нужную строку, судорожно продолжила:

«Мы начали встречаться. Сайхан был очень добр, заботлив, внимателен. Я полюбила его. Мои родители были согласны на наш брак. Но затем он уехал, и наши дороги больше не пересекались. Ни письма не написал, ни весточки никакой не прислал. Исчез неожиданно, как и появился. Недавно я наводила справки и выяснила, что он погиб в ноябре 1999 года. Вот тогда я начала разыскивать вас. Мне очень жаль. Приношу свои соболезнования. Вы, наверное, удивлены моим письмом – мол, что это вдруг я

решила вас искать и для чего пишу. Дело в том, что у меня есть сын. Это ваш внук, можете мне поверить. Сейчас у мальчика сложный период. Он связался с экстремистской организацией, попросту говоря, со скинхедами. Изменился до неузнаваемости, стал груб, даже жесток. А ведь у него впереди целая жизнь, а рядом нет никого, кто бы наставлял, помогал, советовал. Меня он не слушает. Я боюсь за его дальнейшую судьбу. Не хочу, чтобы он ломал себе жизнь, такие игры до добра не доводят. Вот я и обращаюсь к вам, помогите, спасите его! Ведь, как-никак, в нем и ваша кровь. Свой адрес прилагаю. С ув. Нина».

Хадижат подняла глаза на мужа. В них сияла такая огромная радость, такое счастье, что слова уже были совершенно излишни. Алдам наперед знал, что сейчас последует.

– Слышишь, надо разыскать эту женщину, с ней наш мальчик, – Хадижат с упоением, почти нараспев, произнесла последние два слова – «наш мальчик». – Слышишь, что я говорю?

– Еще как! – усмехнулся Алдам. Он взял со столика телефон и начал набирать номера. – Нужно собрать всех, – бросил он жене. Та кивнула и вытерла натруженной рукой слезы.

«Всех» означало оставшихся пятерых сыновей – Салмана, Исмаила, Рахима, Халида и младшего Керима. Каждый из них уже давно имел свою семью, жил кто в городе, кто по-соседству. Во время военных действий сражались против федеральных сил. Однако смерть старшего и самого любимого брата отрезвила горячие головы. Они сложили оружие, сдались властям и, как и многие, получили амнистию. А затем их приняли на работу в различные силовые структуры нового правительства, где нужны были отвага, мужество, выносливость. И вот дослужились братья Курбановы до хороших чинов, получали солидное жалование, ездили на дорогих иномарках, отстроили добротные дома. В общем, никто

из них не жаловался на судьбу, были довольны и вполне счастливы. Кроме одного – Керима. Он нигде не работал, был замкнут, друзей не имел и жил в родительском доме, ведя обычный сельский образ жизни с ее повседневными делами и заботами. Когда пришло время, женился на односельчанке – миловидной девушке Седе, которая ни в чем не упрекала мужа, а напротив, старалась помогать делами и поддержать словом. Алдам такую жизнь сына хоть и не приветствовал, но и не осуждал. Живет себе дома, занимается хозяйством – ну и ладно, на здоровье, и на том, как говорится, спасибо. Да и Хадижат, несмотря на свой характер, старалась лишней раз Керима не задевать. Даже если и были причины, молчала, боялась, что тот, уязвленный, чего-нибудь, не дай Аллах, выкинет. Зато Седу держала в строгости, а та ее ужас как боялась, во всем угождала, старалась хоть как-то смягчить характер свекрови, и если не подружиться, то хотя бы жить в мире и покое. Остальным же сыновьям Хадижат спуска не давала, любое недовольство высказывала, словно те были все еще малыми детьми. А они смиренно выслушивали свою воинственную мать, обещали исправиться, привозили подарки, и на этом все прекращалось. Старшие снохи лишней раз без повода сюда носа не казали. Хадижат понимала это, но каждый раз прикидывалась удивленной и выказывала недоумение, почему снохи так редко сюда приходят, и что у тех за дела такие, которые на часок-другой нельзя отложить? После этого она вызывала их всех (примерно раз в месяц) и начинала «чистку мозгов». «Прочищенные», те возвращались к себе восвояси, а Хадижат временно успокаивалась и уходила в домашние хлопоты. Алдам на все это смотрел сквозь пальцы, никогда не вмешивался в дела жены, тем более в ее воспитательный процесс. Так и жили.

Ровно к восьми вечера к дому Алдама стали подъезжать «Тойоты» и джипы – это сыновья собирались спешно по звонку родителей. Один за другим наспех здороваясь и перебрасываясь незначительными фразами, сыновья Алдама входили в родительский дом.

– Что случилось, нана? – спрашивал каждый у матери, встречавшей их на пороге.

– Входите сначала, – обычным своим строгим голосом отвечала мать, – с отцом поздоровайтесь, поешьте с дороги, потом о деле поговорим.

Алдам встречал сыновей в своей комнате, на встречу не вышел, больные ноги не располагали к лишним движениям. Сидеть на нарах, почеченски – «паднаре», откинувшись на пуховые подушки и укутавшись в плед, было так уютно и блаженно. А недавняя новость только усиливала благостные чувства. Отец окинул сыновей взглядом. Видные, здоровые – внешнеюстью они пошли в мать, лишь характеры у всех разные, непохожие. Салман – взрывной, импульсивный, Рахим и Халид – осторожные, Исмаил – добродушный, щедрый и только Керим непонятный – зажатый, тихий, то ли озлоблен на весь мир, то ли обижен, то ли чего-то там замышляет, а что – непонятно. Сыновья после приветствия стояли в почтительной позе, ожидая, что последует дальше. Вошла Хадижат:

– Там Седа на стол накрыла. Учтите, она не станет два раза разогревать. Идите, вначале поешьте, а потом у отца к вам серьезный разговор имеется.

Алдам открыл, было, рот от удивления, но затем закрыл в знак полной капитуляции. И тогда в тон ей, словно идея отужинать исходила именно от него, поторопил:

– Идите, покушайте, не заставляйте себя ждать.

– А ты, дада? – спросил Салман, который после смерти Сайхана считался старшим из братьев.

– И я с вами, почему бы нет, ведь не так часто мы собираемся.

Алдам спустился с нар и, тяжело ступая больными ногами, направился к двери. Сыновья почтительно расступились, и только когда тот, надев обувь, засеменил к навесу, где был накрыт стол, последовали за ним.

Ужин оказался обильным, сытным. После жирного мяса с галушками Седа подала чепалгаш и хингалаш (лепешки с творогом и тыквой), щедро политые свежим топленым маслом. Горячий чай со всевозможными вареньями из диких ягод и фруктов завершил трапезу.

Старому Алдаму накрыли отдельно, на другом, поменьше, столе – он не хотел стеснять сыновей. Сам же ел мало, зато с удовольствием наблюдал за тем, с каким аппетитом уплетают кушанья сыновья, перебрасываясь веселыми шутками-прибаутками. Ему нравилось, когда хорошо ели. Он сам был таким в далекой своей и, как ему теперь казалось, лихой молодости. Увы, все проходит.

Надо отдать должное сыновьям – несколько раз порывались они встать из-за стола, но отец знаком останавливал их:

– Сидите, по глазам вижу, что и вполонину не наелись. Нечего стесняться. Аппетит – это молодость. Ловите момент. Радуйтесь, живите, дышите молодостью. Она так мимолетна, потом станете, как я, кряхтеть да жаловаться.

Когда, наконец, с едой было покончено, все отправились в уже привычную отцовскую комнату. Расположились кто где. Младший Керим принес стулья для себя и Халида. Когда расселись, Алдам вынул письмо.

– Вот, – сказал он, обращаясь к ним. – Сегодня утром пришло. Что в нем, рассказывать не буду, читайте сами и поймете. Потом обсудим, что делать.

Содержание письма ошеломило братьев –

значит, их брат не канул в вечность, ничего не оставив после себя, напротив, у него есть сын, наследник, еще один представитель рода Курбановых! Все оживились, заговорили разом, перебивая друг друга, позабыв кто старший, кто младший. В этом порыве было нечто особенное, важное, что объединяло всех в единое целое. Вопрос, верить этому или нет, даже не обсуждался – их он, этот мальчик, и больше ничей! И не важно, каких кровей женщина его выносила, главное, что в нем течет кровь рода Курбановых.

Подождав, пока шум поутихнет да поутихнет, Алдам спросил:

– Что делать будем? Отправимся за мальчиком?

Сыновья ответили хором:

– Немедленно надо собратиться и ехать!

Тогда Алдам задал следующий вопрос:

– Кто поедет?

Братья задумались. Вопрос явно застал их врасплох. После эйфории от неожиданной семейной радости наступило отрезвление, и холодный расчет повседневных дел вышел на первый план. Сложилась щекотливая ситуация – ведь братья находились на службе в таких структурах, где отгулы просто так не предоставят, а Салману, например, так вообще не дадут.

И тут вступил в разговор молчавший до сих пор Керим. Он все еще не пришел в себя от услышанного. Его брат, его гордость, его Сайхан был теперь опять с ним через своего сына. «О Аллах! – повторял он про себя. – Благодарю Тебя! Ты услышал мои молитвы, Ты ответил на мои мольбы, как я счастлив, я снова живу!»

– Я поеду, дада, только я, – сказал он так решительно, словно боялся, что кто-то захочет предложить другую кандидатуру и откажет ему. От былой апатии и замкнутости не осталось следа, глаза его светились, во всем облике

появилась былая юношеская удаль.

Алдам довольно улыбнулся уголками губ. Перемена в сыне радовала его. Сколько радостей за сегодня, глядишь, сердце выпрыгнет из груди! Тьфу-тьфу, только бы не сглазить! А сам спросил строго:

– Ты уверен, что справишься?

– Справлюсь, – ответил сын и вдруг спросил: – А ты сомневаешься?

– Нет, – так же резко произнес отец. – Ты сможешь! – и, уже обратившись ко всем остальным, сказал:

– Вот он поедет. Решено!

– А я считаю, – неожиданно вставил свое слово Салман, – что лучше будет, если в Москву поеду я. Я старший среди братьев, офицер, поездил прилично по стране, а Керим почти не выезжал за пределы республики, и неизвестно, как он себя поведет в непривычной для себя обстановке.

– Да, еще потеряется в метро, – вставил свое слово Исмаил. – Или, не дай Аллах, подойдут полицейские проверить документы. Придерется к ним и заварит кашу прямо в центре Москвы.

Он захохотал, довольный своей шуткой, за что получил подзатыльник от Хадижат. Наступило молчание.

Керим вскочил со стула, повернулся к Салману:

– Скажи, сколько раз ты меня, восемнадцатилетнего пацана, отправлял на разведку в Грозный, в расположение блокпостов или еще куда? Там что, не было людей в форме, там что, не спрашивали документов? Да, я не бывал в больших городах, не ездил в этих метро, будь они прокляты, но не надо из меня делать придурка! Отец ведь сказал свое слово, – Керим посмотрел на отца, и его глаза были полны решимости.

Алдам видел, что в Кериме говорит не каприз и не желание попутешествовать. Вспомнилось

прошлое, как Керим в детстве всегда крутился возле старшего брата, как он неотступно следовал за ним везде, с каким восхищением смотрел Керим на синяки и разбитые губы Сайхана после его очередного выяснения отношений со сверстниками. Да, он любил и по-особому гордился своим старшим братом, и Алдам понял, что это не просто поездка в Москву, это неустойчивое желание вернуться в прошлое, увидеть брата, его частицу.

– Готовься, Керим, – сказал Алдам, давая понять, что разговор окончен,

Теперь все согласились с выбором, никто не возражал. Действительно, кандидатура Керима была самой подходящей – во-первых, еще молод, во-вторых, не обременен службой. К тому же, и внешность чисто славянская – голубые глаза, как у отца, русые волосы. Таким был и Сайхан. Остальные братья пошли в мать, которая, в отличие от Алдама, имела темные волосы и карие глаза. Ну, а телосложением все братья здоровые, крупные, сильные.

Итак, решение, кто поедет, было принято. Неожиданно Салман вновь попросил у отца позволить ему еще одно предложение. Алдам, теребивший рыжеватую с частой проседью бородку, внезапно остановился.

– Что еще за предложение? – спросил он, прищурившись.

– Я хочу ему в напарники предложить своего сына, – сказал Салман, несколько извиняющимся тоном за то, что посмел при отце упомянуть сына. – Не ехать же Кериму одному. Мало ли что в дороге может случиться?!

– Бувайсара?

Салман утвердительно кивнул.

– Ему же только пятнадцать, мал еще, – возразил Алдам. – Если и брат напарника, то по-старше. Вот у Исмаила два сына в институте. Пусть один из них едет.

– А что, я не возражаю, – ответил Исмаил.

– Да вы не понимаете, – Салман принялся объяснять им свое предложение. – Я хочу, чтобы поехал такой же мальчишка, как и тот. Они легче найдут общий язык, к тому же ему завтра стукнет 16 лет.

– Уже 16? Храни его Аллах! – Алдам улыбнулся, лицо просветлело. – Как быстро летит время! Этот день надо отметить обязательно. В секцию он все еще ходит?

– Ходит, стал призером юношеского чемпионата по классической борьбе. Так что, бояться за него не стоит.

– Ну и славно!

На этом семейный совет завершился. Те, что жили в селе – Халид и Рахим – уехали домой, а Салман и Исмаил решили остаться ночевать в родительском доме и оттуда утром выехать в город на службу.

На второй день вечером, после службы, Салман привез сына Бувайсара к родителям. Бувайсар, которому в этот день исполнилось 16 лет, находился в радостном предчувствии чего-то хорошего для себя. Мир казался безоблачным и чудесным, как этот летний день в родных горах. Чистое, точно выстиранное небо ослепляло густой синевой, жаркие лучи солнца ласково сияли сквозь зеленую крону деревьев и веселыми зайчиками играли на всем, к чему могли прикоснуться.

Едва Бувайсар вступил во двор, как оказался в могучих объятиях бабки Хадижат.

– Бувайсар, мой мальчик! – громко приговаривала она. – Живи долго и счастливо! Пусть горе и беды обойдут тебя, мой хороший! Как вымахал!

На ее шум уже спускался с крыльца дед, откуда-то из глубины двора появился Керим. Салман поздоровался со всеми, как полагается и, кивнув на засмутившегося

сына, сказал грубовато:

– Вот, приехали с ним. Этот бездельник подарки ждет, как маленький ребенок, на свой день рождения.

– Будут, будут подарки! – воскликнули хором и дед, и бабка, с любовью разглядывая мускулистого крепыша-внука.

У Бувайсара, подающего надежды спортсмена в греко-римской борьбе, было от природы крепкое телосложение, к тому же натренированное постоянными упражнениями и занятиями спорта. Черноволосый и зеленоглазый, он имел довольно приятные черты лица, а ослепительная белозубая улыбка, которая нет-нет да появлялась на его лице, свидетельствовала о добродушном нраве, незлобном характере. В целом, это был славный малый, в меру импульсивный, знавший цену себе, но при этом несколько не кичившийся перед сверстниками. Бувайсара любили все, даже строгая Хадижат смягчилась, позабыв о привычке всех поучать, возилась сейчас вокруг внука, норовя лишний раз прижать его к себе. Вокруг крутились ребятишки Седы и Керима – дочь Эниса и сынишка Сайдулла. Они не меньше остальных радовались приезду родственников, бурно выражали свои детские восторги, не опасаясь быть одернутыми матерью и бабкой за излишнее буйство. Итак, во дворе Курбановых царили радость и веселье.

Как и накануне, устроили пышное застолье. Пришли остальные родственники – дяди Халид и Рахим, жившие неподалеку, со своими домочадцами. Привезли подарки, сладости, фрукты. Жены их Майдат и Зану даже умудрились взять с собой еще горячие кастрюли с наготовленной едой. Было шумно, весело и радостно, как бывает в дружной и большой семье. Старый Алдам не мог налюбоваться на это дорогое ему зрелище. «А скоро, – думал он, и сердце его замирало от предвкушения,

– присоединится к нашей семье еще один Курбанов. Какое счастье! Сын Сайхана, плоть от плоти его, кровь от крови вернется под надежную крону своего рода! Амин! Да будет так!»

2

Уже с утра в доме Алдама началась спешная подготовка к дороге. В первую очередь позаботились о билетах на самолет.

Женщины собрали необходимые вещи в дорогу. Жена Салмана, Лиза, тщательно старалась скрыть нервозность и волнение – как-никак, впервые отпускала единственного сына (в семье росли еще три девочки) так далеко, неизвестно на сколько, а самое главное – непонятно, чем вся эта затея завершится. Не сдержавшись, нечаянно обмолвилась о своих опасениях с Седой, когда готовили дорожные припасы, и тут же застыла на месте, встретившись взглядом со свекровью, на ее несчастье зашедшей на кухню. Хадижат смогла услышать лишь последнюю фразу невестки, но и этого было достаточно, чтобы она тут же отреагировала привычным своим голосом:

– Чтобы я этого больше не слышала, поняла? Не твоего ума это дело!

Больше Лиза никаких мыслей вслух не высказывала, лишь разок-другой смахнула набежавшую слезинку, когда в дорожную сумку укладывала вещи сына. На следующее утро, тоже сдержалась, попрощалась с деверем сердечно, как полагается невестке, пожелала доброго пути. Сыну наказала строгим голосом слушаться во всем дядю.

Бедная, так ей в ту секунду хотелось прижать к сердцу сына, погладить его вихры, но, увы, нельзя. Лишь чуткий Керим, поняв чувства, которые сейчас испытывала Лиза, мягко подбодрил ее:

– Не бойся, Лиза, в обиду не дам, все будет хорошо.

А на улице, за воротами, уже засигналил джип – это Салман, вызвавшийся проводить путников до аэропорта, торопил всех, сигналом прося закругляться.

Вся семья высыпала провожать Керима и Бувайсара. Впереди, как и положено старшему, стоял, давая последние наставления, Алдам. Чуть подальше держалась Хадижат с сыновьями, остальные снохи и дети толпились сзади. Вот прозвучали последние слова прощания, и, наконец, машина тронулась с места, набрала ход, помчалась по широкой, недавно заасфальтированной дороге. На улице не было ни души. Однако утро уже расходилось, и первые лучи солнца, рассекая небо, озаряли собою все вокруг. Семейство Курбановых еще немного постояло на улице, а затем дружно скрылось за своими массивными воротами.

***

В аэропорту многолюдно. Братья с племянником вышли из машины, направились к зданию аэропорта. Кругом красиво, удобно, современно. Керим испытывал смущение перед старшим братом за Бувайсара, понимал, какая ответственность лежит на нем за жизнь единственного сына Салмана. Будь его воля, он поехал бы один, но решение отца оспаривать бесполезно. Керим бодро улыбнулся Бувайсару, легонько хлопнул его по плечу:

– Не трус! Скоро Москву увидишь.

Бувайсар, как молодой бычок, лишь мотнул лобастой головой: мол, с чего вдруг кто-то решил, что он трусит?! И действительно, все его существо находилось сейчас в радостном нетерпении и предвкушении настоящей жизни, такой, какую заполнены фильмы, интернет и телевидение. Он с любопытством озирался на

снующих вокруг людей, проходящих, спешащих, бегущих, на обслуживающий персонал, на электронное табло и мониторы повсюду, на всевозможные автоматы, и ему казалось, что попал в иной мир, на иную планету. Ему все было интересно.

Чтобы скоротать время в ожидании регистрации, Салман откуда-то принес бутылки с прохладительными напитками, булочки. Немного перекусили.

– Вот возьми, – Салман протянул Кериму листок бумаги. – Это адреса и телефоны наших земляков в Москве. Многие из них знали Сайхана. А вдруг пригодится, понадобится их помощь. Если такое случится, немедленно с ними связывайся. Они пусть и снобы, но, думаю, в помощи тебе не откажут, хотя бы в память о брате.

Ничего не ответив, Керим сунул листок в карман.

Наконец, спустя какое-то время объявили посадку. Салман поочередно обнял брата и сына, дал последнему, как и полагается отцу, строгие наставления, и затем вновь пожелал счастливой дороги. Он еще долго стоял в здании, ждал, пока Керим с Бувайсаром, наконец, не скроются с поля его зрения, в глубинах посадочного терминала. Вздохнул, вытер платком проступившую испарину со лба.

Поднимаясь по трапу, Бувайсар наверняка испытывал то же самое, что когда-то Гагарин перед своим полетом в космос. Важность и торжественность момента так увлекли юношу, что он едва слышал, что говорил ему дядя. А тот, видя, что племянник находится в несколько новом для себя эмоциональном состоянии, лишь следил за тем, чтобы он глядел себе под ноги, или случайно не задел плечом идущую сзади женщину. «Аккуратно, гляди куда идешь!» – до самого входа в салон приговаривал Керим, не спуская с парня любящего, заботливого взгляда.

Добравшись до своих мест, уселись удобно и, наконец расслабившись, улыбнулись друг другу довольной улыбкой.

– Ну, все, устроились, слава Аллаху! Теперь можно и взлетать.

– Когда взлетим? – освоившись, весело спросил Бувайсар.

– Скоро взлетишь, Гагарин, всему свое время. Смотри, какая девчонка идет – куколка!

Бувайсар покраснел, как рак, и отвернулся. Керим, усмехнувшись, дернул племянника за ухо, мол, да ладно тебе, расслабься, все нормально.

Сам же Керим в приливе свежих, забытых сил находился в состоянии юношеского азарта. Для него начиналась интересная игра.

Он верил, что поездка завершится благополучно, и потому, блаженно улыбаясь, откинулся в кресле, пытаясь представить себе черты нового пленного племянника.

Наконец, стюардесса призвала всех пристегнуть ремни и объявила о начале полета. Огромный многотонный «Боинг» легко и плавно, как перышко, начал отрываться от земли. С интересом, как на нечто любопытное, глядел Бувайсар на все уменьшающиеся в размерах дома, дороги, строения, зеленые массивы. И вот не стало ничего, кроме густых облаков, белых и серых, курчавых и пушистых. Однообразная картина воцарилась за окном иллюминатора и постепенно наскучила. Бувайсар закрыл глаза, его сморило, вскоре забылся легким, кратковременным сном. Очнулся он от звука мелодичного девичьего голоса. В голове пронеслось: «Откуда взялась здесь девушка?» Но тут проснулся окончательно, открыл глаза и увидел милую девушку-стюардессу, предлагавшую ему всякую всячину – напитки, леденцы, жевательные резинки.

– Хотите воды? – спросила девушка столь нежно, что Бувайсару сделалось так приятно,

что почувствовал прилив тепла в области солнечного сплетения. Эта недостижимая, как ему казалось, служительница воздушного судна, так искренне и доброжелательно глядела на него, и сама была такой аккуратной и чистенькой в своей кремового цвета униформе, так ярко светились ее светлые глаза из-под каштановой челки, а уголки розовых, без помады, губ так мило тянулись вверх к румяным щечкам, обнажая полоску белых зубов, что юноше невольно в голову пришла отчаянная и такая странная мысль: предложи она ему яд вместо воды, он согласился бы принять его из ее рук и выпил бы с превеликим наслаждением. А тут всего лишь вода...

Но ответил он сухо:

– Хочу!

Она поставила перед ним пластиковый стаканчик с холодной газированной водой. Неожиданно девушка спросила:

– Как тебя зовут?

Немного замешкавшись от неожиданности, юноша произнес:

– Бувайсар, – и тут же: – А тебя?

– А меня Лена, – ответила та и улыбнулась еще шире, еще радостнее: – А твое имя мне знакомо, – поделилась она вдруг своими познаниями. – Так зовут одного из ваших знаменитых спортсменов, правда?

– Да, – ответил пораженный и еще более подкупленный Бувайсар. – Это наш трехкратный олимпийский чемпион, Сайтиев.

– Ты тоже им станешь обязательно, – заверила его Лена и, кивнув как старому приятелю, пошла дальше к другим пассажирам выполнять свои обязанности...

Бувайсар поглядел на стаканчик, оставленный девушкой. Тот хранил запах её духов, и Бувайсара это почему-то смутило. Он каждый раз, поднося стаканчик ко рту, втягивал в себя

этот аромат. Так продолжалось до тех пор, пока не исчезла последняя капля воды и окончательно не выветрился запах духов.

Бувайсару стало хорошо. Москва показалась ему манящей, притягательной и доброй.

Керим спал, откинувшись в кресле, а Бувайсар все мечтал о чем-то своем, по-мальчишески прекрасном, наивном, большом.

Самолет приземлился точно в намеченное время. Посадка оказалась на удивление спокойной и мягкой. Какое-то время «Боинг» катился по бетонке, потом, сделав резкий круг, плавно остановился. Постепенно замедляя ритм, затихли пропеллеры. Москва принимала очередных своих гостей.

Немного пошатываясь от непривычного ощущения после полета, Керим с Бувайсаром прошли к пассажирскому терминалу.

И здесь сновали люди – приезжие и местные, разных мастей и цвета кожи, – эти люди словно не замечали никого, шли себе, каждый по своему маршруту.

Курбановы получили багаж, вышли из здания вокзала, направились к стоянке такси.

Неожиданно сзади Керима сильно толкнули, точно сметая помеху на пути. Два здоровенных парня со спортивными сумками через плечо пронеслись мимо, не дав Кериму опомниться. Да, Москва имела свой нрав, и далеко не из легких, не шутила ни с кем, не заигрывала. Однако на Керима, как ни странно, этот эпизод подействовал как благодатный дождь, как освежающий душ, как ветер, приносящий прохладу и ясность голове. Окончательно ушла замкнутость, куда-то подевалась скованность, исчезла нелюбимость. Он почувствовал себя так, словно кто-то распрямил его сжатые долгое время крылья. Вернулись его лихие года, его молодость, его безрассудность и смелость. Ему стало легко и свободно в этом абсолютно чужом

и даже жестоком городе. Он стал самим собой.

Вальяжной походкой приблизился к одному из таксистов и, точно показывая полное презрение ко всему миру, лениво спросил:

– Командир, сколько до центра?

«Командир» назвал цену. Керим, у которого в центре никого не было, а самое главное, в этот самый центр не собиравшийся, так как делать там ему было пока абсолютно нечего, процедил сквозь зубы:

– Не хило. А что в центре, все ли по-прежнему?

Таксист поднял вверх брови, прикидывая в уме, что тому нужно и к чему он клонит:

– Вроде, с утра никаких происшествий.

– Это хорошо, – серьезно ответил Керим. – Нам происшествия ни к чему... пока ни к чему.

Заинтригованный таксист спросил загадочно:

– А может, нужно чего? Вмиг организуем.

Керим с минуты поглядел на коренастого, с красными щеками мужчину, по всей видимости, украинца, и ответил:

– Квартира нужна, недорогая, на неделю, может, на больше, как дела пойдут.

Таксист кивнул с той же загадочностью:

– Есть такая, в Бутово. Пойдет?

– Увидим квартиру и решим, пойдет или нет, – грубовато ответил Керим, подталкивая вперед Бувайсара.

– Могу отвезти, – предложил таксист и добавил: – Цена приемлемая.

– За что? – насмешливо хмыкнул Керим. – За квартиру или дорогу?

Таксист махнул рукой и, распахивая дверцу, ответил, не оборачиваясь:

– За все. Поехали.

Москва ошеломила, поразила и пленила Бувайсара. Его большие изумрудные глаза, обрамленные темными ресницами, устремлялись то в одну, то в другую сторону, жадно впитывая в себя все уличные красоты. Он буквально ел

Москву глазами, и даже воздух ее казался ему необычайно сладостным.

А глядеть и впрямь было на что. За последние годы Москва точно переживала второе рождение. Ее улицы, площади, скверы, проспекты – все было богато, ослепительно, помпезно. Здания поражали своей причудливой монументальностью, стройностью форм, изяществом отделки. Здесь наблюдалось сочетание различных стилей: модерн, постмодерн, барокко, советские высотки соседствовали с новейшими небоскребами. В общем, на бедного Бувайсара свалилось столько зрелища, что он едва успевал все переварить, осмыслить, сравнить и привыкнуть.

Выросший в родном селе под щедрым благодатным солнцем и привыкший к заботам и любви родных, Бувайсар искренне радовался и ликовал, точно ягненок, еще не видавший зимы. Он озарялся лучезарной улыбкой при виде всего необычного. Лицо оживало, каждый мускул выдавал ту гамму чувств, что переполняли большое юное сердце этого доброго малого, которому город виделся только со светлой стороны, обратная сторона еще ждала своего черед.

Это захватывающее действие длилось час-полтора вместе с пробками и стояниями у светофоров. Вскоре такси добралось до нужной улицы, завернуло за квартал и притормозило прямо у подъезда. Все, в том числе и таксист, вылезли из автомобиля. Таксист отошел и в сторонке о чем-то начал быстро говорить по телефону, затем обратился к Кериму:

– Подождите здесь. К вам придут, я договорился.

Керим кивнул, поблагодарил, отдал деньги за проезд, и на этом они распрощались.

Дворик, в котором они сейчас находились, был небольшим, но опрятным. Помимо детской площадки, кругом насажены деревья, густые кустарники.

Как обычно, несколько бабулек сидели во дворе, грелись на солнышке и «мыли» кости знакомым и незнакомым им людям. Увидев приезжих, насторожились, принялись изучать их, а затем, потеряв к ним интерес, вернулись к «промывке» костей. Таких, как Керим и Бувайсар, судя по всему, они повидали немало, знали наперед о намерениях неожиданных гостей и что за этим последует.

А последовало следующее. Минут через двадцать к нашим героям подошел довольно нагловатый парень в черной футболке, надетой под клетчатую рубашку, и без всяких там вступлений спросил прямо:

– Вы квартиру хотите?

– Да, – ответили одновременно дядя и племянник. – Мы самые.

Керим, которому не понравилась поспешность Бувайсара, строго взглянул на юношу, тем самым остужая его неуместный пыл. А парень и без того понял, что дал маху, но объяснять не стал, хотя знал, что вышло это непроизвольно, безо всяких намерений затевать какую-либо самодеятельность. Просто столько произошло нового в его жизни за последний день, что это была обычная реакция организма, этакий безусловный рефлекс на новое.

Керим еще раз повторил желание снять квартиру, но сказал, что хотел бы не очень дорогую.

– Я понял, понял, – быстро ответил разбитной парень. – Есть однушка в этом доме, – он указал на пятиэтажку, – и двушка в том, – он кивнул на дом, у которого их высадила таксист. – Какой вариант устраивает? – парень растягивал слова, делая ударение на «а», демонстрируя московское произношение. Однако создавалось впечатление, что он нарочно усиливает ударение, что свидетельствовало только об одном: парень – не из местных, но косит под них.

– Одношка сойдет, – важно ответил Керим,

словно речь шла об особняке на Рублевке или апартаментах в элитном районе.

– Деньги вперед.

– За неделю?

– Да, но можно и за две, – ухмыльнулся парень.

Керим сказал, что хотел бы сначала посмотреть квартиру.

– А что на нее глядеть? – возразил недоуменно парень. – Квартира как квартира.

– И все же, – стоял на своем Керим. – Пока не увижу квартиру, денег не дам.

– Да ладно, – сдался тот. – Как хотите. Следуйте за мной.

Они вошли в подъезд, поднялись по ступенькам и остановились перед несколько обшарпанной дверью.

– Вот она, – произнес парень и, сунув ключ в замочную скважину, распахнул перед гостями столицы дверь.

Боже, что это?! Керим с Бувайсаром, войдя внутрь квартиры, с трудом осознали, что это человеческое жилье, до того в неприглядном состоянии находилась квартира. Грязь всюду, начиная от коридора и заканчивая санузелом. Особенно убивал запах – что-то невыносимое. Бувайсар не представлял себе, как сможет остаться в этом хлеву. Контраст между увиденным на улицах и этой квартирой был настолько разительным, что остудил восторженный пыл юноши и свел на нет весь его лирический настрой. Москва начинала приподнимать завесу изнанки.

– Как здесь грязно! – воскликнул он, обращаясь к дяде. – Неужели мы здесь будем жить? Может, поищем другую квартиру?

Керим усмехнулся себе под нос и, совсем не по-доброму взглянув на парня, спросил:

– Это ты называешь квартирой?

Парень пришел в некоторое замешательство,

затем несколько развязно ответил:

– А что? Нормальное жилье.

Керим потемнел лицом, но голос его еще сохранял спокойствие:

– Этот свинарник ты называешь нормальным жильем? Сам ты тоже в таком живешь?

На нагловатом лице парня читалось крайнее удивление:

– Ну и чего не так? Приехали на неделю, а шумите так, словно год жить собираетесь.

– Ты за кого нас держишь? Мы тебе что, скоты? На наших лицах написано, что мы скоты? Да здесь не то что неделю, минуту нельзя оставаться.

– Ничего не пойму, что за проблемы? – не сдавался парень.

– Ах, ты не поймешь? За лохов, значит, держишь? Собрался подсунуть нам этот хлев, да еще денег взять вперед? Лихо!

Тот взмолился:

– Мои что ли, квартиры? Я только исполнитель.

Керим немного поостыл и произнес:

– Передай своему хозяину, что плохо работаете. Клиент недоволен, – и тут же бросил Бувайсару: – Пошли отсюда!

– Подождите, – остановил их парень. – Тут напротив дома есть нормальная, если хотите, я покажу.

– Хотим, – ответил Керим. – Но если и она окажется...

– Не окажется, – быстро заверил парень. – Останетесь довольны.

И действительно, следующая квартира оказалась вполне приличной, и Керим после детального изучения нашел, что в ней можно жить.

– Ну, эта более-менее годится, – кивнул в знак согласия Керим.

Он вытащил из кармана деньги и отдал парню со словами:

– Впредь, когда станешь кого-то разводить, выясни, с кем говоришь, иначе мало не покажется.

– Спасибо, – ответил парень, быстро пряча деньги. – Кстати, меня зовут Саня, – наконец представился он. – Звоните, если что. Вот, запишите номер, – продиктовал. – И еще, совет вам: купите местную sim-карту, иначе задолбаются деньги класть, а вот ключи.

– Ясно, спасибо.

– Ну, тогда пока, метро рядом, – Саня исчез за дверью.

– Порядок, – Керим, подмигнув Бувайсару, засмеялся.

– Здорово! – только и смог произнести юноша. – Чуть не пришлось ночевать в том хлеву.

– Показательный спектакль для тебя, – объяснил дядя. – Чтобы никому не позволял себя развести. Иначе всю жизнь об тебя ноги будут вытирать. Ты же не хочешь этого?

– Конечно, нет, – честно ответил Бувайсар.

– Вот и умей постоять за себя. Пусть любой ценой. Запомни, здесь как на войне: или ты, или тебя. Третьего не дано.

– Запомню, – кивнул Бувайсар

– А в том хлеву мы бы все равно не остались, – сказал Керим. – Москва большая, нашли бы, где остановиться. Сейчас ты отдохай, а я пойду куплю чего-нибудь поесть.

Керим надел кепку, спортивную куртку и ушел, негромко хлопнув дверью. Бувайсар остался один. Включил телевизор, рассеянно перебирал каналы, но так и не выбрал, что посмотреть. В уме он вновь и вновь представлял себе встречу с двоюродным братом. Затем направился на кухню, поставил к приходу дяди чайник на плиту. Вскоре пришел Керим с продуктами. Он принес хлеб, молоко, бакалею, фрукты, положил на стол две sim-карты в упаковке, для себя и для Бувайсара, кинул на диван

чистые, купленные только что, простыни. Затем устало плюхнулся на диван:

– Ну и находился я, – пожаловался он. – С непривычки ноги гудят и отваливаются. Да, Москва город что надо, если, конечно, есть деньги, а без них тут делать нечего – не дворы же мести, как ты думаешь?

– Точно, – кивнул Бувайсар и предложил: – Пойдем, чаю попьем, я его только что вскипятил.

Они сели за стол на кухне, налили себе чаю, стали закусывать.

Затем Керим стал выяснять, как становиться на намаз. Он покрутился и примерно обозначил место для моления:

– Будем вставать на намаз в эту сторону.

Далее по очереди приняли душ, привели вещи в порядок, сделали намаз и только после этого заговорили о главном. Керим вытащил заветный конверт, прочитал адрес:

– Смоленская площадь. Ну что ж, завтра с утра и поедем. А сейчас отдохнем как следует. Ноги гудят, – добавил он вновь, жалуясь на усталость.

3

Проснувшись рано утром, мужчины отправились разыскивать Нину. День обещал быть ясным и теплым. Москва кипела жизнью, своею, особенной, ни с чем не сравнимой и такой притягательной. Вошли в метро. На какое-то мгновение растерялись, не могли сообразить, что к чему. Наконец, все разъяснилось, купили карты, определили нужную ветку и направление. Бувайсара немного покачивало с непривычки, да и люди здесь далеко не элита, скорее, наоборот. Керим окрестил просто:

– Голь да сброд. И мы с ними же.

Такое сравнение обидело юношу.

– Почему я сброд? Я не сброд. У меня есть

дом, семья, родина. Так какой же я сброд? – он вспомнил стюардессу Лену и ее пожелание: «Ты тоже станешь чемпионом». Слова теплой волной пробежались, прокатились по телу Бувайсара. Он решительно мотнул головой: – И никакой я не сброд. И я докажу это.

Сразу стало спокойно и легко на душе, и внешний вид людей из метро уже не занимал, словно невидимая стена отгородила Бувайсара от них.

Стоя на ступеньках эскалатора, идущего вверх, родственники с любопытством разглядывали рекламные щиты, прикрепленные вдоль стен прямо над их головами. Керим подумал: «А вдруг щит какой-нибудь возьмет да упадет кому на голову? Не приведи, конечно, Аллах! Но кто его знает, сейчас время такое – никто ни за кого и ни за что не отвечает. Упадет щит на голову какого-нибудь таджика или узбека, и никто не почешется, подумаешь! Да, не самое это лучшее времяпровождение – находиться под землей, скорей бы уж к выходу, к солнечному свету!»

В переходах было много и тех, кто зарабатывал себе в подземке на жизнь – одни пели, плясали, играли на инструментах, другие торговали, третьи просили милостыню. «Каждый пытается заработать на кусок хлеба», – подумал Керим и бросил монетку достоинством десятирублевую в коробку, стоящую перед стариком. Тот поднял глаза на Керима и сказал:

– Спасибо, сынок.

Неожиданно послышался топот ботинок, крики. Люди испуганно разлетелись вдоль стен. Керим и Бувайсар тоже отстранились. Одетые в черные рубашки и камуфлированные штаны, бритоголовые юнцы с громкими криками бежали по переходу, и непонятно, то ли спешили куда-то, то ли просто забавлялись, демонстрируя свою воинственность. Армейские берцы с грохотом ударяли по бетонному полу перехода.

Вскоре ватага убралась, скрывшись за пово-

ротом. Приходившие в себя люди – в основном с темным цветом кожи – стали выходить из своих укромных мест и спешно покидать метро.

– А это что было? Кто они? – спросил Бувайсар дядю.

– Да шпана, скорее всего, из националистических организаций. Типа «Россия для русских» и прочая ерунда.

– А-а-а... – протянул Бувайсар – Я понял. Это и есть те самые скинхеды, среди которых наш мальчик.

– Точно, хотя непонятно, почему они так открыто ведут себя. Вроде бы, их запретили власти. Но мы нашему вправим мозги, не волнуйся. Давай выйдем отсюда, подземная жизнь не для меня.

Яркий солнечный свет ударил им в лицо, и никогда свет этот не доставлял Кериму столько удовольствия, как сейчас. «Солнце есть жизнь, и больше человеку ничего не нужно, – думал он, довольный, что выбрался из подземного плена. – Солнце, а также родниковая вода, которая поутру журчит, как колокольчик, покрытые зеленью горы – все, мне больше ничего не нужно. А здесь суета одна, забавная, конечно, красивая, но суета. И Бувайсар поймет, когда станет постарше, теперь вон как жадно на все смотрит зелеными своими глазницами. Ну что ж, поглядим, и мы тряхнем стариной, позабудем!» – таков был неожиданный поворот его мыслей.

Шаг за шагом, расспрашивая у прохожих, они добрались, наконец, до нужного им дома. Однако в подъезд попасть они не смогли – дом не из простых, двери металлические, с кодом, в дверях встроены домофоны. И опять выручил язык. Пословица «Язык до Киева доведет» оправдывала себя в данный момент на все сто процентов.

– Эй, женщина! – грубовато, точно в своем доме кликал жену, подозвал Керим вышедшую

только что из подъезда жительницу. – Не подскажешь, Нина Орлова в этом доме живет?

– Да, – несколько подозрительно протянула женщина. – И не только в этом доме, но и в этом подъезде.

– Очень хорошо! – обрадовался Керим. – А мы кода не знаем. Как нам зайти?

– А вы по делу к ней или как?

– Чисто по делу, – заверил ее Керим. – Помоги, уважаемая.

– Ну ладно. Вот смотрите, – женщина набрала код, и дверь отворилась. – Ее квартира на третьем этаже, лифт работает.

Поблагодарив, Керим и Бувайсар юркнули в подъезд, вызвали лифт и уже через минуту стояли перед дверью нужной им квартиры. Керим почему-то потер ладонь о свой бок и нажал на звонок. Молчание. Затем он повторил это снова.

– Неужели нет дома? – спросил Бувайсар почеченски.

– Все может быть, – заметил Керим. Но тут послышались легкие шаги, кто-то за дверью щелкнул щеколдой и приоткрыл дверь. На пороге стояла женщина средних лет, невысокая, темноволосая и кареглазая. Керим, представивший Нину непременно блондинкой, был несколько не то чтобы разочарован – собственно, ему и очаровываться было ни к чему, – а скорее, удивлен и обескуражен. Секунды две-три они молча смотрели друг на друга как бы изучая, а потом женщина спросила:

– Вы из Чечни, верно?

Керим кивнул утвердительно.

– Получили письмо?

– Да.

Женщина вздохнула, улыбнулась, поздоровалась и, освобождая проход, пригласила их в квартиру. Квартира была большой. Хозяйка завела их в просторную, уютную, обставленную старинной мебелью гостиную. Предложила

сесть, села сама. Воцарилось неловкое молчание. Оно продолжалось недолго, но всем участникам показалось, что прошла вечность. Женщина смотрела на мужчин изучающим взглядом. Внешне она выглядела очень худенькой, бледной. Бледными были не только щеки, но и ее красиво очерченные губы. Казалось, что она нездорова. Первым нарушил молчание Керим.

– Вы и есть Нина Орлова, я не ошибаюсь?

Она кивнула:

– Да, я и есть Нина Орлова. И это я написала вам письмо.

– Это хорошо, – одобрительно поддержал ее Керим. – Правильно сделали, что написали, правда, жаль, что поздно.

Нина грустно улыбнулась:

– Ну, как говорится, лучше поздно, чем никогда.

– Мудрая поговорка, – заметил Керим. – Но только в данном случае не к месту, гораздо больше подходит другая: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится», не так ли?

– Так, – кивнула Нина. – Возможно, вы правы.

– Зачем столько лет скрывали от нас вашего сына? Ведь, в конце концов, он и наш, раз в нем кровь Сайхана, как вы утверждаете.

Женщина поднялась, ее бледное лицо стало еще бледнее, карие глаза сузились в две темные щелочки.

– Да, это сын Сайхана! Я не лгу вам! Ведь сейчас очень просто можно установить родство. Так что, обман и при огромном желании не пройдет. А что касается того, почему скрывала... Понимаете, я тогда посчитала, что он меня бросил. Была обижена, разгневана и о сыне сообщать не собиралась. Но все это до недавнего времени. Я вам писала о причине.

– Да, помню, в письме вы сообщали, что сын находится под влиянием каких-то организаций.

– Он и вправду связан с ними. Но и это не самое главное.

Керим встревожено вскинул брови:

– Что-то еще?

– Да, – она помедлила немного, потом набралась сил и сказала: – Я больна. Серьезно больна. И если со мной что-то случится, могу представить, что с ним станет. Или сопьется, или сядет на иглу, а то и вовсе сгинет в какой-нибудь драке. Таков неизбежный финал, если допустить мысль, что он останется без присмотра. Но если вы поддержите его, позаботитесь, то судьба мальчика сложится совсем иначе. В конце концов, у вас одна кровь, одни корни, одна земля. Вы объясните ему это. Хотя, понимаю, что на первых порах придется нелегко. У него сложный характер.

– Где он сейчас? – быстро спросил Керим. – И, кстати, как его зовут?

– По паспорту он Алексей Орлов. Только сейчас его нет, он даже дома не ночевал. Наверняка, в каком-нибудь клубе со своими друзьями.

– Как найти эти клубы? Их названия можете сказать?

– Да я точно не знаю, – замялась Нина. – Но у Леши есть девушка, Света, кажется, она наверняка должна знать.

Керим и Бувайсар переглянулись:

– Да уж, ситуация.

Затем Керим обратился к Нине:

– Ну, клубы мы уточним. Я хотел бы попросить вас... рассказать, где и когда вы познакомились с моим братом. Кстати, мы не представились. Я – Керим, младший брат Сайхана, а это Бувайсар, племянник, сын другого моего брата, Салмана. На днях ему исполнилось шестнадцать лет, – кивнул Керим на племянника. – Как раз ровесники. Потому, собственно, и привез его сюда, чтобы они подружились, попривыкли друг к другу, чтобы растаял лед недоверия.

Нина мягко улыбнулась:

– Думаю, они подружатся. Во всяком случае, я на это надеюсь. А что касается того, как я познакомилась с Сайханом, то это долгая история.

– А мы никуда не торопимся, расскажите.

Нина пожала плечами:

– Что ж, извольте. Это произошло осенью 1998 года, – начала она, и ее ровный, красивый голос наполнил комнату. – Я возвращалась домой из института, училась на первом курсе. Спустилась в метро, стала на платформе дожидаться своего поезда. Неожиданно среди всей этой толпы кто-то выхватил у меня из рук сумку. Бог с ней с сумкой. Дело не в ней. Я не удержала равновесие и упала вниз прямо на рельсы. Можете себе такое представить? Счет шел на секунды, я уже слышала отдаленный шум состава. Я закричала. И вдруг огромного роста рыжий парень, бросив свою сумку, кинулся ко мне. Сильными руками схватил меня за шкурку и в буквальном смысле перекинул через себя за секунду до того, как нас обоих бы срезал поезд. Это был подвиг. Я ему жизнью обязана. Вот так мы и познакомились. Он спросил, где я живу, чем занимаюсь. О себе сказал, что спортсмен. А потом предложил встретиться. Я, естественно, согласилась. Он очень красиво ухаживал. Такой вежливый, учтивый, предупредительный. Девушкам, знаете ли, это всегда нравится. Потом однажды я пригласила его к себе домой, сюда, на квартиру. Хотела представить родителям. Они у меня тогда оба работали в университете: папа – профессор, доктор наук, а мама – доцент. Я была их поздним, а потому балованным ребенком.

– Где сейчас ваши родители? – спросил Керим.

– Они умерли, – Нина вздохнула. – Один за другим. У папы случился инфаркт со смер-

тельным исходом, маму это так потрясло, что она слегла, а через полгода и ее не стало.

– Понятно. Я сожалею, примите соболезнования и простите, что перебил, продолжайте.

– А продолжать-то особо нечего. Сайхан родителям моим понравился. Да он и не мог не понравиться: учтивый, обходительный, не пил, не курил. Еще Сайхан обещал повезти меня к своим родителям – к вам, значит, – познакомиться. Я ему очень верила. Очень. И очень любила, – Нина смахнула набежавшие слезы и продолжила: – Он часто отлучался. Ненадолго, правда, но все же, а в последний раз, когда прощался, обещал приехать очень скоро. Но не приехал. В тот день я хотела признаться ему, что жду ребенка, но не решилась, не хотела отвлекать его в дороге. Думала, вернется, потом все и скажу. К сожалению, больше его не видела. Пришлось все рассказать родителям. Ну, погоревали мы, да и успокоились. Тем более, нельзя мне было лишний раз волноваться. А в ноябре 1999 года у меня родился сын. Папа назвал его Лешей. Он души не чаял во внуке. И мама тоже. Как они его любили! А потом один за другим их не стало. Я продолжала жить, одна воспитывала сына. И вот недавно узнала, что и Сайхан, оказывается, погиб. Это тоже, знаете ли, сказало на моем здоровье, и без того неважном. Останется Леша один-одинешенек на всем белом свете. Что с ним, бедным, станет-то? Подумала я и написала вам. Вот и вся история.

– Ясно, – проговорил Керим. Он потер ладонями колени, посмотрел на Бувайсара, который, после того, как завершился рассказ, перевел задумчивый взгляд на висевшую над диваном картину с осенним пейзажем.

Нина перехватила взгляд юноши и пояснила:

– Это мой отец писал. Живопись была его увлечением, – и вдруг быстро поднялась: – Я принесу чаю. Подождите секунду.

Она уже было сделала шаг, чтобы выйти на кухню, как и Керим и Бувайсар дружно запротестовали:

– Нет-нет, спасибо, в другой раз.

– Ну что же вы, – опечалилась Нина. – Мне приятно угостить родственников своего сына. Ведь вы же позаботитесь о нем? – женщина, произнесла последнюю фразу с такой надеждой, что у Керима перехватило дыхание.

– Никто не даст его в обиду, – твердо произнес Керим. – Он – сын моего брата, и этого достаточно, чтобы порвать любого, кто посмеет его тронуть хоть пальцем!

У Нины на глазах выступили слезы:

– Спасибо вам! Я знала, я чувствовала, я не ошиблась! Вы действительно станете ему надежной защитой!

– А где его искать сейчас? – на лице Керима выразилась обеспокоенность.

– Ах, да! – спохватилась Нина. – Я сейчас позвоню Свете и все раз узнаю.

Она быстро набрала нужный номер. На том конце долго не брали трубку. Нина нажимала вновь и вновь, пока не услышала долгожданное:

– Алло, слушаю.

– Света, Светочка! – начала сбивчиво Нина.

– Ты не знаешь, где сейчас может быть Леша?.. В каком примерно клубе?.. Если тебе хоть что-то известно, пожалуйста, сообщи сейчас мне, назови адрес, координаты.

– А что случилось? – забеспокоился девичий голос.

– Ничего, все нормально, просто он сейчас нужен.

– С вами все в порядке?

– Абсолютно. Говори.

– Записывайте: молодежный ночной клуб «Пирамида» в районе Кузьминок. Да вы не волнуйтесь, они всегда там тусуются. Их знают, и полиция в курсе. Так что, все в норме.

– Спасибо, Светочка! До свидания.

Нина отключила телефон и повторила название клуба:

– Говорит, какая-то «Пирамида» на Кузьминках.

Мужчины встали. Керим сказал:

– Не волнуйтесь. Найдем пацана. Ждите нас.

Бувайсар последовал за дядей, который уже пробирался к двери, потом обернулся к женщине, сказал:

– До свидания.

Нина улыбнулась и ответила:

– До свидания, родные! Жду вас!

Продолжение следует.

Наше интервью

«Я плыву по течению, с судьбою своею не споря»...

Этот год для известной чеченской поэтессы Розы Шахиговны Талхиговой станет юбилейным — 3 июля ей исполнится 55 лет. Роза родилась в Грозном. Стихи она начала писать еще в школьные годы, принимала участие в различных республиканских литературных конкурсах — в 1983 году заняла 2-ое место в конкурсе им. Сауда Багуева, основоположника чеченской литературы. Ее часто приглашали на радио и телевидение, публиковали в местных газетах и журналах. В 1990 году Роза окончила Московский Литературный институт имени А.М. Горького. Несколько лет работала редактором отдела поэзии литературно-художественного журнала «Вайнах», главным специалистом аппарата уполномоченного по правам человека

в Чеченской Республике. В 1995 году была принята в Союз писателей Чеченской республики, в 2002-ом вошла в Союз писателей России. С 2013 года Роза Талхигова является учредителем детского журнала «Истоки».

Предлагаем вниманию наших читателей интервью, которое мы взяли у поэтессы специально к выходу текущего номера.

– Добрый день, Роза! Расскажите, пожалуйста, нашим читателям о себе, своей семье: где выросли, учились, кто ваши родители? Кем работаете и чем занимаетесь в настоящее время, кроме стихотворчества?

– Всем доброго дня! Родилась и выросла я в Грозном. Родителями были самыми обычными тружениками: отец всю жизнь работал электриком, мама – на мебельной фабрике. К сожалению, в 2014 году их не стало. Наша семья по чеченским меркам была небольшой: два брата и я. В настоящее время старший брат живет со своей семьей в Подмоскovie. Младший погиб в автокатастрофе в 1990 году. После его гибели моя жизнь разделилась на «до» и «после»: все самое яркое, светлое осталось в прошлом, а дальше – нужно было просто жить – ради родных, ради детей... Что я и делала, заглушив в себе всю свою боль...

В 2013 году российским фондом «Русский мир» был поддержан мой проект детского жур-

нала «Истоки». В 2016 году его поддержал некоммерческий российский Благотворительный фонд «САФМАР». Все эти годы я работаю редактором данного журнала – пока дистанционно, так как в настоящее время, в связи с семейными обстоятельствами, живу в Москве.

– Когда и при каких обстоятельствах были написаны ваши первые стихи? Помните, о чем они были?

– Моим любимым предметом в школе была литература, все свое свободное время я читала. Была записана одновременно в нескольких библиотеках...

А первые стихи, если их можно так назвать, написала еще в школьные годы. Тематика была дежурная – как бы приуроченная к различным мероприятиям: к 8-му марта, на Новый год или ко Дню космонавтики и т.д.

– Что они значат для вас – увлечение, профессия или призвание? Если последний вариант – когда вы это поняли?

– Вначале думала, что обычное увлечение, но с годами поняла, что все-таки призвание. Разобраться в этом помог мой первый учитель и наставник, Саид Идрисович Чахкиев. Я занималась в литобъединении «Искры Прометея» под его руководством. Благодаря настойчивости и поддержке Саида Идрисовича, я поверила в себя и в свои способности. Он считал, что я просто обязана поступить в Литературный институт – и даже сумел убедить в этом моего мужа (по тем временам вайнахской замужней женщине учиться очно, да еще в Москве, было практически нереально). Институт я окончила на «отлично».

– **Родителям нравилось ваше увлечение?**

– Родители никогда не были против – они поддерживали меня во всем, и до конца своих дней гордились моими успехами. Так же радовался мой дядя по маминой линии, писатель Абу Дадуев – что я связала свою жизнь с творчеством, и всегда помогал добрым советом.

– **Когда и в каком издании были впервые опубликованы ваши стихи?**

– Первые публикации появились в молодежной газете «Комсомольское племя» в 1980 году. А уже в 1982 году мои стихи вошли в коллективный сборник «Голоса молодых».

– **Вам это что-то дало в плане развития, популярности? Ведь не секрет, что в советские годы творческая среда в Грозном была развита и представлена достаточно разнопланово?**

– Думаю, что в плане развития появился стимул: я как бы поверила в себя, появились новые произведения. В плане популярности – я стала узнаваема после литературно-музыкальной передачи с Валерием Леонтьевым, который в то время гастролировал по нашей республике. Ту передачу вела Лида Яндиева, главный диктор республиканского ТВ.

– **Чему вы отдаете предпочтение в своем творчестве – лирике или философским, гражданским стихам?**

Роза Талхигова с Ямлиханом Хасбулатовым

Роза Талхигова с мамой

– В начале творческого пути в моей поэзии преобладала лирика. Но после трагических событий в нашей республике, естественно, появились гражданские и патриотические стихи. Хотя лирика остается в моей жизни основной.

– **В каком настроении вас чаще всего посещает вдохновение?**

– Чаще всего вдохновение посещает в моменты душевного переживания, депрессии, одиночества.

– **Какие поэты (в том числе наши современники) оказали на вас влияние в юности и, возможно, оказывают в настоящее время?**

– В юности я увлекалась поэзией Серебряного века – Анной Ахматовой, Мариной Цветаевой. Из чеченских писателей – нравились произведения Магомеда Сулаева, Ахмада Сулейманова, Раисы Ахматовой. Заучивала наизусть лирические стихи Умара Яричева.

– **Не секрет, что многие люди пытаются писать стихи, рассказы и даже песенные тексты. Однако не все становятся поэтами, писателями или бардами. А через какие трудности пришлось пройти вам (или что преодолеть в себе) – чтобы добиться успеха?**

– Если честно, я никогда ничего не добивалась.

Просто слова идут из души, и они находят своего читателя. Кому-то понравились строки, и родилась песня. На мои стихи написано много песен, которые исполняли и исполняют: Иосиф Кобзон, Юлиан, Али Димаев, Марем Ташаева и другие. Совсем недавно появились две новые песни в исполнении московской группы «Новый город»... Как говорится в одном из моих стихотворений: «Я плыву по течению, с судьбою своею не споря»...

– **Вы согласны с утверждением, что стихотворчество – это ремесло, которому, при некотором прилежании, легко научиться – нежели дар свыше, наитие или вдохновение?**

– Нет, не согласна! Я все же думаю, что это дар свыше. Есть поэты, которые пишут технически грамотные стихи, с четкой рифмой, ритмикой – но в них нет души. А есть обычные люди – самородки, которые этому нигде не учились, но пишут такие душевные стихи, что пробирают насквозь.

– **Что может узнать о вас читатель, читая ваши стихи?**

– Думаю, что очень многое – обо мне, моей душе, судьбе... Потому что мои стихи, в большинстве своем, автобиографичны.

– **Откуда черпаете свое вдохновение – в семье, творчестве, работе?**

– Скорее всего, из своей жизни, из жизни своих дочерей и внуков – это все, что придает мне сил и помогает не сдаваться в этом сложном мире.

– **Что значит для вас тема любви в поэзии – способ выразить свою радость, боль, переживание – или что-то еще?**

– Тема любви в поэзии – это мои переживания, горечь утраты, боль разлуки... Это вся моя жизнь!

– **В какое время суток или года вам лучше всего пишется? Насколько вы как поэт «метеозависимы»?**

– Мое любимое время года – осень. Именно эта пора является для меня самой плодотворной в плане творчества. А время суток, конечно же, ночь. Ведь только ночью ты остаешься один на один со своим миром, со своими мыслями.

– **Вы известны широкой аудитории как чеченская поэтесса, пишущая стихи на русском языке. Есть ли в вашем творческом багаже произведения на чеченском языке?**

– Да, я пишу на родном языке, хотя и не так часто, как хотелось бы. Проблема отчасти в том, что в годы моей учебы в городских школах родной язык не преподавался. Наш язык очень богат и многообразен – и чтобы на нем писать, творить – его необходимо очень хорошо знать – например, как чеченский поэт Апти Бисултанов, чьи стихи я считаю верхом совершенства.

– **Следите ли вы за творчеством своих земляков? Кто вам запомнился?**

– Конечно же, я наблюдаю за творчеством своих коллег: радуюсь их успехам, сопереживаю их горю. Правда, в связи с тем, что нахожусь сейчас далеко от дома, общаемся мы больше по Фейсбуку и мобильной связи. К великому сожалению, за последние годы было пережито много потерь и утрат. И в словах невозможно выразить все то, что чувствуешь в такие минуты. Сейда Ахмадова, Хамзат Талхадов, Гапур Алиев, Алвади Шайхиев, Дагун Омаев, Лула Жумалаева, Тамара Юнусова, Шаид Рашидов, Ямлихан Хасбулатов – все эти люди, оставили след не только в истории нашей культуры и литературы, но и были частицей моей жизни и души... После их ухода на сердце остаются рубцы до конца жизни. Дала гечдойла царна!

– **Какие книги вы написали и где можно познакомиться с вашим творчеством?**

– В тысяча девятьсот восемьдесят пятом году стихи издавались в коллективном сборнике «Восхождение к корням». А в две тысячи седьмом в Пятигорске вышла моя книга «Оглянувшись в листопад».

– **В настоящее время в Сети стало модным представлять аудио стихи, прозу – в том числе и в авторской озвучке. А вы пробовали воспользоваться таким способом популяризации и, возможно, коммерциализации своего творчества?**

– Нет, не пробовала, как-то не до этого пока.

Роза Талхигова

К популяризации тоже не особо стремлюсь. Но люблю слушать хорошие стихи в авторском исполнении.

– **Какие у вас планы на будущее?**

– Работаю над новой книгой стихов. Планирую включить в нее произведения на родном языке, в переводе Хамзата Талхадова, Хож-Бауди Борхаджиева.

Надеюсь, что детский журнал «Истоки» продолжит в будущем свое существование (нам уже шесть лет).

– **И напоследок, какими практическими советами вы могли бы поделиться с начинающими чеченскими авторами, пишущими или только пытающимися писать на русском языке – чтобы развить и как-то реализовать свой творческий потенциал?**

– Хочется пожелать начинающим авторам терпения и упорства, не сдаваться при первых неудачах. И, самое главное, писать. Как говорится, «ни дня без строчки». Если это ваше призвание, то с каждой попыткой оно будет только совершенствоваться. А если нет, то не расстраивайтесь, пусть останется любимым увлечением!

– Спасибо!

Беседу вела Роза Межиева

Критика и литературоведение

Ли́дия ДОВЛЕТКИРЕЕВА

Концепт «конь» в чеченской литературе и фольклоре

Культ коня прослеживается у многих народов мира. О значимости этого анималистического символа в чеченском мировидении в разное время писали такие исследователи, как Ибрагим Алироев, Муса Ахмадов, Исмаил Мунаев. Они выявляют глубокие исторические корни рассматриваемого концепта, опираясь на данные археологии, языка и фольклора. Так, И. Алироев обращает внимание на факт обожествления лошади предками чеченцев в период язычества, что подтверждается обнаружением в Зандакском могильнике IX-VIII вв. погребений человека с лошадьё. На древнее про-

исхождение символа указывает также то, что чеченская лексема «говр» (конь) идентична названию этого животного в урартском языке [1, 359]. Исмаил Мунаев в своих выступлениях не раз высказал мнение о том, что по выразительности интерпретации образ коня в чеченском фольклоре и литературе находится в одном ряду с творчеством Михаила Лермонтова (Печорин-Казбич-Карагёз в романе «Герой нашего времени»), Баграта Шинкубы («Горсть земли»), Чингиза Айтматова («Прощай, Гульсары!»). Фольклорист считает, что в чеченской литературе с той же эмоциональной силой конь представлен в классическом романе Саидбея Арсанова «Когда познается дружба». Писатель и публицист Муса Ахмадов в своем фундаментальном труде «Чеченская традиционная культура и этика» также анализирует роль коня в чеченской ментальности. В частности, он указывает на то, что в чеченском языке есть, помимо двух общих – «дин» и «говр», множество частных номинаций этого животного, конкретизирующих возраст, здоровье, масть, характер, предназначение (жеребенок или старая, верховая или рабочая, обьезженная или необьезженная) и т.д. [2, 115] Такая активная вербализация, действительно, подчеркивает актуальность концепта в народном сознании.

Эти и другие важные размышления о культуре коня у чеченцев носят характер аналитических замечаний в рамках других тем, поэтому в данной статье мы ставим перед собой задачу более подробно рассмотреть на конкретных примерах из чеченского фольклора и литературы, какими символично-семантическими коннотациями наполняется образ коня в чеченской художественной картине мира.

Проанализировав ряд произведений устного народного творчества чеченцев и классической литературы (повесть «Бешто» Саида Бадиева, романы «Когда познается дружба» Саидбея Арсанова, «Долгие ночи», «Молния в горах» Абузара Айдамирова), мы пришли к выводу, что скакун выступает в чеченской ментальности как эго кьонаха (достойного мужчины/юноши). Эти два концепта представляют устойчивую дихотомию, воспринимаются как нечто неразрывное, целое, дополняющее друг друга, хоть и поделенное на две части. Кьонах без верного коня в фольклоре абсолютно невозможен, и сама мысль об этом создает ущербность восприятия образа достойного юноши. Кьонах в народном представлении – некий идеал мужчины, которого наделяют целым набором положительных характеристик и к которому предъявляются жесткие этические требования и критерии. Несоответствие хотя бы одному из них дает основание говорить о том, что некто не является кьонахом. Поведение кьонаха также регламентируется строгим сводом нравственных правил и предписаний, касающихся как поступков, так и слов – так называемым «неписанным кодексом кьонаха» – «кьонахалла». Давая определение лексеме «кьонах», автор словаря «Дош» Абу Исмаилов выделяет сле-

дующие семантические компоненты этого концепта: уважение к старшим, прежде всего к родителям; скромность, стойкость, мужество; самодостаточность, чувство собственного достоинства (сам не лебезит и не нуждается в славословии в свой адрес); защитник слабых; знает цену миру и мирской суете; всегда поступает по совести. Это постоянная категория, не зависящая от конъюнктуры. [3, 155] Чеченцы не спешат наделять мужчину высоким званием кьонаха. Если кто-то совершает поступок в рамках сформированного кодекса чести, о нем не сразу говорят, что он кьонах, предпочитают сравнить с таковым – «как кьонах». Следовательно, это высшая точка этической шкалы, достичь которую может не любой, но стремиться к этой вершине должны все.

Лексико-семантическое формирование концепта «кьонах» происходило на протяжении всей истории чеченского народа. Образцами достойных мужей выступают такие личности, как Дуда, сын Исмаила; Мустарг, сын Бахадура; Шихмирза, сын Зайты; Зелимхан Харачойский; Довта, сын Дады; Кюра, сын Овтахаджи, Ума, сын Товты; Ахмад Автуринский; Биболат, сын Таймы... В нравоучительной повести современного чеченского писателя Мусы Бексултанова «Далекие берега реки жизни» отец наставляет своего сына, перечисляя эти и другие имена реальных лиц, воспетых в чеченском фольклоре. Народ хранит память о них, «подобно тому, как государство хранит архив» [4,15] Предания, легенды, илли, рассказы стариков передают из поколения в поколение их имена как эталон нравственной чистоты, мужества, человеческого достоинства.

Какова же смысловая матрица концепта «конь» в сочетании с концептом «къонах»?

В жемчужине чеченского фольклора «Илли о сыне Вдовы и князе Монце» есть эпизод, когда перед битвой с Черным князем Вдовый сын предлагает противнику, сойдя на землю, рубиться саблями. Он мотивирует это таким образом: «Нам ли умножать грехи без толку и губить безгрешную скотину? Нет, сразимся мы, сойдя на землю!» [5, 14] Обратим внимание на то, что Вдовый сын является собирательным образом къонаха, а, следовательно, в нем получили максимальное воплощение все нравственно-этические установки народа, связанные с этим концептом. Однако он бережет своего надежного спутника, ставя скакуна на более высокую планку чистоты и безгрешности, нежели сам къонах. И верный друг отвечает ему взаимностью: увидев, что «кант пошатнулся» (клант – чеч. парень, юноша), конь бросается на помощь: «стал рвать зубами князя, начал бить, топтать, ломая кости ворогу – чеченский бурый конь» [5, 14] Как видим, конь не просто достоин своего друга, но и превосходит его морально и физически (безгрешен и сильнее). Этот фрагмент наглядно демонстрирует, на какую высоту в чеченском художественном мировидении вознесен скакун. С ним, как с равным участником битвы, делятся добычей, подчеркивая его роль в победе над противником. Табун Черного князя Вдовый сын со своим другом Хаси делят на три части: третью часть определяют коню и раздают сиротам. В этом илли конь еще раз приходит на выручку герою, спасая от смерти и проявляя свою преданность. Не смирившись с пропажей друга, скитаясь по миру, он находит Ненадежный холм, под которым сгинул

Вдовый сын, и приводит к нему князя Хаси: «Верит конь: из мрачных недр на волю выйдет молодой его хозяин» [5, 16-17]

В чеченском микрокосме конь может превосходить человека не только в силе и нравственной чистоте, но и в надежности. В «Илли о Чеге Бесстрашное Сердце и Бибулате, сыне Таймы», характеризуя коня Бибулата, илланча использует сравнение: «Друга надежного конь был верней». [5, 60]

Конь в чеченском фольклоре выступает как верный, надежный, смелый, умный друг къонаха, то есть он наделяется теми же чертами, что и сам достойный муж, поэтому мы и смеем утверждать, что скакун является эго къонаха. Таковым, к примеру, мы видим коня Умы, сына Товты: «Этот конь настигает врага на войне, / Помогает невест добывать на пирах». Интересно, что доверие между героем и конем безгранично: так, благородный Ума доверяет своему серому другу не только свою жизнь и честь, но и, победив в состязании, право выбора невесты для себя, при этом не желает неразделенных чувств: «Я к девицам коня моего подведу. / Пусть он сделает выбор в девичьем ряду. / Если я той красавице тоже понравлюсь, / С нею вместе домой я охотно отправлюсь» [5, 40] Самый сильный удар получает Ума, когда у него крадут коня завистники. Сказитель детально передает глубокие переживания Умы, которого гложет тоска, сердце его болит, а тело слабеет... Потерю коня можно трактовать как потерю части жизненной энергии. Преодолевая множество препятствий, Ума находит своего коня. И конь, и герой плачут, вновь обретая друг друга.

Конь, как видим, наделяется всей гаммой чувств, характерных для человека, в том числе

способностью к сопереживанию: скакун Бибулата разделяет чувства своего хозяина, у которого убит лучший друг, он не летит, не скачет, не бежит с всадником, обнимающим умершего, а «тихо ступает с горькою ношей» [5, 64] В сказке «Вдовый сын Жансарко и княжич Тепсарко» конь слепнет от горя, оплакивая юношу. [5, 275] Постоянный эпитет «тешаме» (верный) повторяется многократно в этой сцене.

Еще одним примером того, что в чеченском представлении конь может превосходить человека, служит «Илли об Умаре, сыне Тахи». Конь врага наделяется умом и интуицией, которые значительно превышают эти же качества у его хозяина. [5, 71]

По мнению А. Бену, конь символизирует «скорость движения разума» [6, 174]. В чеченском художественном сознании конь олицетворяет и ум, и чувство. Именно поэтому он сравнивается с другом и братом, понимающим все с полуслова. Къонах растит его с любовью, жизнь и смерть того и другого находятся в зависимости друг от друга. Скакун наделяется и таким качеством, как честь, достоинство – основной чертой къонаха. «Не посрами же чести коня!» – обращается к своему другу перед битвой эпический герой – Сирота – в «Илли о кабардинце Курсолте». Увидев, что конь казака гонит его двугодка, за честь своего коня Ахмад Автуринский готов сражаться так же, как за честь друга и брата. [5, 196]

Обратим внимание на то, что идеальным воплощением достойного юноши в чеченском эпосе часто служит Сирота. Герой без отца как бы лишен мудрости своего родителя, его прозорливости, компенсатором этих качеств выступает конь. Архетип Сироты нуждается в отдельном анализе, поэтому не будем под-

робно останавливаться на нем в рамках данной статьи. Отметим лишь, что Мать всегда воодушевляет на подвиг, она ассоциируется со сферой чувств и души. А конь и доспехи отца, передаваемые сыну по наследству, символизируют преемственность и взаимосвязь поколений, сферу разума и силу духа. [5, 268]

Высшую степень своего расположения к человеку эпический герой проявляет, доверяя кому-то своего коня («Илли о кабардинце Курсолте»).

Чеченские писатели, создавая свои исторические произведения, также рядом с героем-къонахом рисуют образ его верного спутника – коня, используя фольклорные мотивы.

Автор художественного текста включает в него национальные концепты, которые с максимальной точностью и полнотой раскрывают и отражают его личное восприятие мира и соответствуют творческим задачам. Кроме того, писатель может модифицировать национальный концепт, то есть сделать акцент на какой-то его части, признаке путем различных приемов, например, метафоры или своеобразия лексической репрезентации.

С этой позиции мы и рассмотрим, как национальный концепт-лексема «конь» и в каких проявлениях реализуется в прозаическом наследии классиков чеченской литературы Саида Бадиева, Саидбея Арсанова и Абузара Айдамирова, чье творчество во многом национально специфично и содержит в себе такую сложную и едва уловимую субстанцию, как «дух народа».

Роман Саидбея Арсанова «Когда познается дружба» демонстрирует отмеченную нами в фольклоре спаянность в народном сознании образа достойного юноши и его скакуна.

Классик чеченской литературы рисует красочный гиперболизированный образ парящих над бездонной пропастью всадников, задевающих плечами скалы [7, 30].

Главный герой Арсби неразлучен со своим скакуном Соколом. Следуя народно-поэтической традиции, прозаик сравнивает любовь к коню с любовью к родному брату [7, 52]. Единство героя с конем, их близость природной чистоте, совместную самодостаточность подчеркивает и тот факт, что герою в обществе с конем для душевной свободы требуется лишь простор и воля: «Умчаться сейчас в широкую степь, обгоняя ветер, – он да Сокол, и никого вокруг, сойти с коня, дать ему волю, а самому прилечь на душистую зелень. Потом крикнуть: «Сокол!» – и смотреть, как конь подымет голову, наострит уши, выгнет шею, прибежит, распутив хвост, и заплещет рядом» [7, 58] Быстрота, ум, верность, воля – эти лексемы образуют лексико-семантическое поле концепта «конь» в приведенном фрагменте.

О том, насколько высоко ценят джигиты своих скакунов и как неразрывно слиты их жизни, можно судить по рассуждениям друга Арсби – Джо, который говорит: «Мне довольно и моего коня. Захочу красивую жену – конь поможет, утащу; захочу добра – за Терек в набег. Я буду голоден – конь будет сыт, буду оборванцем, зато конь пойдет в серебряной сбруе» [7, 28] Вспомним, что лермонтовский Казбич отвечал Азамату, предлагающему обменять Карагёза на Бэлу, примерно в том же ключе. Красавиц много, а верный конь один.

Психологическое состояние коня в чеченской литературе, как и в фольклоре, всегда идентично внутренним переживаниям героя.

Так, Сокол чувствует себя беспокойно и настороженно в то время, как «в груди Арсби заклокотало» [7, 75].

Потеря коня для кьонаха – самая, пожалуй, тяжелая утрата. Выше мы приводили пример того, как переживает герой илли Ума кражу завистниками своего скакуна, а в повести С. Бадиева «Бешто» героя постигают три беды одновременно: у него умерли мать, любимая девушка и конь. Парень тронулся умом. Будь его конь жив, он смог бы преодолеть с ним любое жизненное испытание, но без коня герой ощущает себя абсолютно незащищенным, слабым перед ударами судьбы. Лишившись коня, символизирующего разум, благородство, красоту, мощь; матери, являющейся эмоциональным началом и дарующей душевную гармонию, и девушки, с которой из жизни уходит любовь и половодье чувств, юноша теряет разум и жизненные силы, становится неполноценным. [8]

Концепт «конь» тесно связан с концептом «дружба», причем не только в паре «кьонах – конь», но и в ансамбле «конь – хозяин – его друзья и их скакуны». На состязаниях всадников С. Арсанов так описывает отношения коней: «Кони тоже как будто были связаны дружбой – и со своими седоками и друг с другом: то копытами ударят и уши наострят, то повернут головы щека к щеке, точно разговаривают тайком» [7, 59].

В романе «Долгие ночи», первой части знаменитой исторической трилогии Абузара Айдамирова, поставившей этого писателя на высшую ступень классического пьедестала чеченской литературы, Албаг дарит своему другу Кюри, уходящему с частью населения в турецкое мухаджирство, самое дорогое, что у него есть – коня. «Если бы было нужно, я бы

отдал тебе свою душу. Но сегодня в этом нет необходимости. Поэтому отдаю тебе то, что для меня ценно так же, как и душа, – своего любимого скакуна, в память о себе» [9, 383, 384] Итак, скакун сравнивается с душой кьонаха, что еще раз подтверждает нашу идею о том, что в чеченском сознании конь ассоциируется не только с интеллектуальной сферой, но и со сферой эмоциональной, это часть души кьонаха. Поступок Албага является высшим проявлением дружеских чувств. Ведь он дарит не просто скакуна, а коня, признанного всеми друзьями «удивительным» (чеч. «тамашийна»). На традиционных учениях 15-летних юношей в горах этот скакун восхитил всех своей реакцией, умом, быстротой, верностью, он спас и самого Албага, чуть не погибшего, повиснув над пропастью. Албаг в момент, от которого зависела его жизнь, кликнул на помощь не друзей, а коня, тот мгновенно примчался на его зов и вызволил из неминуемой, казалось бы, беды.

О том, в каком плачевном состоянии оказались мухаджиры, обманутые царской политикой, свидетельствует то, что им пришлось зарезать коней, чтобы дети, женщины и старики не умерли от голода. Ведь в любом несчастье конь – верный помощник. Порой, чтобы спасти коня, кьонах сам принимает смерть, но когда речь зашла о сохранении жизни ослабнувших от голода и болезней людей, пришлось пожертвовать самым дорогим – лошадьми. [9, 519]

Ткань романа-эпопеи «Долгие ночи» Абузара Айдамирова пронизана фольклорными вкраплениями. Пословицы, поговорки, народно-поэтическая метафорика и сравнения, илли искусно вплетены в полотно этого

произведения, поднимая проверенными образными средствами градус читательского восприятия на уровень максимальной эмоциональной причастности к трагедии народа, перед которым встала дилемма: покинуть Родину и уйти в неизвестность или остаться, не будучи хозяевами, на земле своих предков без каких-либо прав и свобод.

Боль народа передана в илли Чоры. Имя это символично, так как в чеченском фольклоре Чора является балагуром и весельчаком, но мудрым и смекалистым, вроде Хаджи Насреддина, к нему обращаются за советами, и он легко и справедливо разрешает любой спорный вопрос. Однако Айдамиров характеризует своего Чору как человека очень серьезного, религиозного, не любящего пение. К этому илли он обращается лишь в минуты трагического выбора, который стоит перед его народом, выливая тоску и грусть посредством исполнения эпической песни. Приведем подстрочный перевод илли Чоры:

Стягивающий тонкую талию пояс
царская власть хочет заменить бечёвкой.
Черкеску хочет заменить женским платьем.
Папаху на моей голове
царская власть хочет заменить фуражкой.
Доставшееся от отцов железное оружие
царская власть хочет заменить прутом.
С коня, который вырос вместе со мной,
хочет меня высадить царская власть,
чтобы я стал пешим.

Царская власть хочет, чтобы я стал рабом
тех, кто убивал моих братьев,
чтобы я с ними делил одно ложе и питался
с одного подноса.

Запрещенную моей религией свинину требует, чтобы я кушал. [9, 43]

Илли построено на антитезе, в основе которой лежит противопоставление чеченских концептов: пояс символизирует свободу, независимость, защиту, а бечёвка, тесемка для крепления клади – несвободу, рабство; черкеска олицетворяет мужество – глабали (женское платье) в данном контексте выступает признаком слабости, податливости; папаха (мужество, духовное возвышение, чувство собственного достоинства, независимость) – глап (фуражка, нечто плоское), то есть бесчестие, повинование чужой воле, вертикальное сознание противопоставлено горизонтальному; оружие, доставшееся по наследству от отцов, является символом борьбы за независимость, преемственности идеалов свободы и мужества – прутик же символизирует слабость и повинование; конь, выросший со мной (честь, мужество, свобода, защита) – пеший (беззащитность, слабость, бесправие, несвобода) и наконец, заключительный концепт – «шун» (поднос) – символ гостеприимства, независимости. Ему противопоставлена свинина – мясо, запрещенное исламом. Сесть за один поднос, то есть стать такими же, как власть, сгубившая не одно поколение чеченцев, принять их как своих.

Данный илли, как видим, имеет острый политический подтекст, в нем сосредоточены основные национальные концепты, царская власть лишает народ основ чеченской ментальности: мужественности, свободолюбия, независимости, хочет превратить в рабов и скотов, лишив «нохчалла» – «чеченскости», символами которой выступают перечисленные концепты, выстроенные по принципу нарастающей градации: от пояса до коня и, наконец, итог этого передан саркастичной

фразой – «цхъана шуьне хийжар» – «пасться за одним подносом», то есть опуститься до уровня животных, лишившись национальной индивидуальности и ценностей, составляющих нравственно-этическую парадигму народного миропонимания. Как видим, конь на этой аксиологической лестнице находится на самой высокой метафорической ступени: пояс – папаха – оружие – конь.

Вторая часть трилогии А. Айдамирова – роман-хроника «Молния в горах» – открывается сценой конных состязаний. Такая сцена традиционна и в чеченском фольклоре, и в чеченской литературе, она встречается в ряде известных илли и является завязкой в сюжете романа С. Арсанова «Когда познается дружба». Подобные игрища-состязания часто устраивались на праздниках и по различным торжественным поводам, были очень зрелищными, а победить, проявив смелость, смекалку, ловкость, быстроту, гибкость, выносливость и другие качества, достойные джигита, было очень престижно и давало возможность претендовать на народное звание кьонаха. На скачках юнцов выигрывает 12-летний Мохмад, сын Арзу, погибшего в Турции при попытке вывести народ за пределы Турецкой империи и вернуть на Родину, спасти от гибели на чужбине. Отношение к своему четвероногому другу у него трепетное, бережное, но на скачках мальчик управляет конем уверенно и самозабвенно, гордо ставит на дыбы перед гостями, победив в соревнованиях.

В состязаниях взрослых первенство завоевывает Албаг, сын Олдама. Алибек-хаджи Алдамов – реальное историческое лицо, имам Чечни. Под его предводительством в 1877 году состоялось восстание горцев, которое и

легло в основу сюжета второй части трилогии Айдамирова. Отличался, по свидетельствам очевидцев и исходя из донесений царских офицеров, необычайной храбростью и крайней решительностью. Благодетельство Алибека проявилось, в частности, в том, что он сдался властям, которые из-за неспособности справиться с повстанцами устроили террор в отношении мирного населения. Алибек и его сподвижники были подвергнуты казни через повешение в Грозном 9 марта 1878 года. На момент смерти ему было 28 лет.

Если Мохмад пока «юный сокол», то 25-летний Албаг – «горный орел». Его конь под стать кьонаху: ему не терпится показать себя в соревнованиях, проявить «яхь» (категория «яхь» лакунарна, не имеет дословного перевода и означает «соревновательность в достойных делах, стремление превзойти других не из гордыни, а из желания проявить лучшие качества в справедливом споре»). Это одна из доминирующих констант характера достойного мужчины. Вот как рисует писатель взаимосвязь героя и коня и их обоюдную готовность победить: «Когда подъехали к краю площади, конь, знавший, зачем его сюда привели, потерял терпение, стал изгибать свою стройную белую шею, встряхивать ногами и бить копытами. Албаг слегка похлопал коня по шее, поправил меч на поясе и ружье на спине, пригладил тонкие черные усы, пришпорил и пустил коня вскачь» (подстрочный перевод). [10, 14] Восторг зрителей прозаик передает следующими репликами: «Как будто сейчас взлетит!», «Ноги не касаются земли!», «Белый сокол!» Албаг побеждает в соревнованиях, когда конь прыгает через пламя огня и останавливается на скаку перед пропастью,

встав на дыбы. Всадник и его белоснежный друг проявляют смелость, ловкость, мужество и смекалку. Победа в этих состязаниях для Албага и его друзей, планирующих восстание против царского режима в горах, является залогом будущей победы – освобождения земли отцов от колонизаторов. Восторгаясь Албагом и его скакуном, люди дают им высокую оценку: «Мужественный наездник воспитал такого же смелого коня». Показателен эпизод, когда один из гостей хочет купить у Албага скакуна. Кто-то отвечает не сведущему в обычаях: «Горцы так просто коня и оружие не продают!» И речь здесь идет не о степени материального вознаграждения, а об исключительных ситуациях.

Албаг примет смерть в конце романа, но уже в экспозиционной сцене соревнований заложена мысль о том, что кьонахи – борцы за справедливость, мужественные, достойные люди, для которых свобода и честь своего народа выше других ценностей, не исчезнут никогда, у них всегда будет продолжение. Албаг погибает, но растет Мохмад, который появляется лишь в начале романа, свидетельствуя читателю о достойной смене поколений. Конь же позволяет автору в своем произведении сделать акцент на таких чертах характера кьонаха, как смелость, мужество, человеческое достоинство, свободолюбие.

Таким образом, рассмотрев художественно-словесную репрезентацию концепта «конь», мы пришли к выводу о неразрывной связи данного образа с концептом «кьонах». В этой паре конь символизирует доминирующие качества идеального мужчины: честь, удаль, мужество, внутреннюю красоту, смелость, разум, верность, доброту, заботу, любовь к

родине, соревновательность в достойных делах, способность соперничать чужому горю и отстаивать справедливость. Поскольку человек – создание несовершенное, конь может превосходить его в некоторых качествах, становясь неким эталоном. Конь ассоциируется с быстротой мысли и сферой тончайших переживаний. Поэтому потеря коня для героя означает лишение жизненной энергии, душевных и физических сил. В шкале предметных концептов, входящих в лексико-семантическое поле лексемы «къонах», конь занимает самую верхнюю позицию, оставив позади пояс, папаху и оружие. Конь либо равен къонаху по набору своих положитель-

ных качеств, либо даже превосходит его, но никогда не уступает. В чеченском фольклоре идеализированным воплощением образа коня является мифический конь Турпал, кличка которого переводится как Герой.

Чеченская литература, вбирая элементы устного народного творчества, развивает значимость данного концепта благодаря увлекательным сюжетным линиям, яркой палитре образов как вымышленных, собирательных (Арзу в романе-эпосе «Долгие ночи» А. Айдамирова, Арсби в романе «Когда познается дружба» С. Арсанова), так и исторических (Албаг в романе-хронике «Молния в горах» А. Айдамирова).

Литература

1. Алиров И.Ю. *Язык, история и культура вайнахов*. – Грозный: Чечено-Ингушское издательско-полиграфическое объединение «Книга», 1990. – 368 с.
2. Ахмадов М. *Чеченская традиционная культура и этика*. – Грозный: ГУП «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий». (Библиотека журнала «Вайнах»), 2006. – 205 с.
3. Исмаилов А. *Слово. (Размышления о чеченском языке)*. – Элиста: АПП «Джангар», 2005. – 928 с.
4. Бексултанов М. *Далекие берега реки жизни*. // *Вайнах*, №2, 2009. – С. 8-38.
5. *Чеченский фольклор / Составители: И. Мунаев, А. Хатуев*. – М.: Фонд поддержки чеченской литературы, 2009. – 460 с. – (Библиотека чеченской литературы. Т.1).
6. Бену А. *Символизм сказок и мифов народов мира*. – М.: Алгоритм, 2011. – 463 с.
7. Арсанов С. *Избранное. Когда познается дружба*. – М.: Фонд поддержки чеченской литературы, 2009. – 460 с. – (Библиотека чеченской литературы. Т.2).
8. Бадуев С. *Рассказы и повести (на чеченском языке)*. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1989. – 296 с.
9. Айдамиров А. *Долгие ночи: Роман-хроника. Издание 2-ое, дополненное (на чеченском языке)*. – Грозный: Чечено-Ингушское издательско-полиграфическое объединение «Книга», 1990. – 560 с.
10. Айдамиров А. *Молния в горах: Роман-хроника (на чеченском языке)*. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1989. – 560 с.

